

ОЛЕГ ВОЛХОВСКИЙ

ЧЕТВЁРТОЕ ОТРЕЧЕНИЕ

ТОМ II

ЛЮДИ ОГНЯ

18+

Четвертое отречение

Олег Волховский

**Четвертое отречение
2 (Люди огня)**

«Автор»

2026

Волховский О.

Четвертое отречение 2 (Люди огня) / О. Волховский — «Автор», 2026 — (Четвертое отречение)

Империя Эммануила растёт. Страны одна за другой принимают новую веру — добровольно или под давлением. Чудеса продолжаются, армии побеждают, а миллионы людей уверены, что на их глазах совершается исполнение древнего пророчества. Апостолы нового Мессии оказываются в самом центре этой истории. Они видят то, что скрыто от остальных: цену побед, закулисные решения, сомнения и страхи тех, кто должен быть безупречно верующим. Чем дальше распространяется власть Эммануила, тем яснее становится: мир меняется не только политически. Меняется сама природа веры — и место человека в ней. Перед апостолами встаёт выбор, который невозможно отложить. Следовать за тем, кого миллионы считают Спасителем, — или попытаться понять, к чему на самом деле ведёт этот путь? Вторая часть романа «Люди огня» завершает историю о чуде, ставшем мировой революцией. Это фантастика о вере и власти, о соблазне абсолютной истины и о цене, которую приходится платить тем, кто оказался слишком близко к огню.

Содержание

Книга 2. Люди огня	5
Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	38
Часть вторая	45
Глава 1	45
Глава 2	48
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Олег Волховский

Четвертое отречение 2 (Люди огня)

Книга 2. Люди огня

Часть первая

*Казнен за разглашение тайны
Всепоглощающей любви,
Он – Бог, он – пастырь изначальный,
Кто миру выкрикнул: «Живи!»
Мансур Халладж¹ – небесный Кравчий,
Палач бессилен перед ним.
Его веревка – мост висячий,
Не станет волосом одним.
То плоть горит? Неправда – это
Костер любви сжигает плоть,
И танец свадебный обета
Ведет танцующий Господь.*

Глава 1

Удар был слабенький. Только зазвенела посуда, и люстра отклонилась от вертикали и тут же вернулась в положение равновесия. Я встал и подошел к окну.

Вспышка. Потом грохот.

Гроза что ли?

Молнии не бывают ярко-оранжевыми.

Позвонил Марку. Его не было. Включил телевизор. Местный канал. Девушки в белом идут по колено в воде. В центре – юноша, тоже в белом. Вокруг почему-то сад. Минут через пять до меня дошло, что сад является раем, девушки – гуриями, а юноша – шахидом, погибшим за веру и попавшим в этот самый рай.

Еще не среагировали.

Грохот не утихал. Вспышки сменяли одна другую.

Нашел CNN. По экрану величаво плыла Дварака.

Комментария услышать не успел, потому что зазвонил телефон.

– Как тебе салют?

Марк был явно в веселом расположении духа.

– Ты знаешь, что происходит?

– Знаю. Нас обстреливают.

– Кто?

– Передовые отряды движения Муридан.

¹ Мансур Халладж – Хусайн ибн Мансур ал-Халладж (858-922), иранский суфий, автор знаменитого суфийского изречения «Я есть Абсолютная Истина». Смысл этого высказывания в том, что мистик, влюбленный в Бога, отождествляет себя с возлюбленным, то есть Богом. Казнен 26 марта 922 года в Багдаде (Мадина-ас-Салям), причем ему сначала отрубили руки и ноги, потом повесили, затем обезглавили, тело его было сожжено, а прах выброшен в Тигр. Считается шахидом, то есть мучеником за веру.

Ясно.

Политическая обстановка в Афганистане собственно была такова. Все началось лет двадцать назад, когда либерального, европейски образованного и вообще падишаха свергли военные, потом этих военных свергли... другие военные. Потом... В общем, началась смута. Все воевали против всех и свергали друг друга поочередно. И тогда появились эти... студенты. Однако студенческая революция! Ученики Медресе и их преподаватели. Первые по совместительству ученики суфийских шейхов, муриды². Почти поголовно. Вторые – собственно сами шейхи. Точнее пиры, старцы. Последний термин здесь более распространен.

Я представил, как в России к власти приходят недоучившиеся семинаристы и монахи, и ужаснулся. Нет, конечно, поп попу рознь. Есть же иезуиты, доминиканцы или даже францисканцы... Отдельные представители. Но в общей массе!

То, что эти ребята нас обстреливали, тоже не говорило о высоком интеллекте.

– Да ладно, пусть боекомплект переводят, – усмехнулся Марк. – Жалко, что ли! И нам развлечение. Шавка слона облаяла.

Дварака плыла, нимало не реагируя на эти булавочные уколы. Приятно чувствовать себя слоном.

Наконец, где-то через час, они поняли бессмысленность обстрела километровой толщи скалы и уgomонились. К тому времени мы с Марком вылезли на крышу Дома Собраний на предмет попить кофе и полюбоваться зрелищем. Но не вышло. Нас вызвал Эммануил.

У него уже был Филипп Лыков.

Господь звонил по телефону. Верно, не было связи. Наконец дозвонился.

– Мне нужен мулла Абу Талиб... Кто? Махди...

...

– Ас-салям алейкум³! Так я о мире. Ваши ракеты мне не очень докучают, но вы бес- сильны против воли Аллаха. Думаю, что уже поняли. Мои люди обсудят с вами условия капи- туляции. Если не договоритесь, Небесный Иерусалим опустится на Кабул. Города больше не будет. Только пыль и груды кирпича.

До меня не сразу дошло, что «Небесный Иерусалим» – это Дварака. Зато я сразу понял, куда нас посылают.

Мы подлетали к Кабулу. Вскоре город накрыло тенью.

Эммануилов выбор послов меня несколько удивил. Ну, я понятно. Болтать языком, сгла- живать острые углы и вообще для политесу. Но Марк с Филиппом! Да, оба имеют опыт обще- ния с исламским миром. Правда, очень практический. Воевали там. Тем более. Зачем обоих? Рискованное ведь предприятие. Хрен его знает, что взбредет в голову этим студиозусам!

По поручению Эммануила я прочитал Коран и пару монографий по исламу, так что при- мерно представлял себе, что это такое. В Коране меня особенно впечатлила сура «Покаяние», полностью посвященная джихаду.

«...избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте!» (Сура 9, аят 5)

А также:

«Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истины – из тех, которым ниспо- слано писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными». (Сура 9, аят 29)

Ну и конечно сады, под которыми текут реки. До той телепередачи я не совсем понимал, что это за реки такие и почему они под садами текут. Теперь дошло. Вероятно, виной тому

² Мурид – ученик, букв. ищущий.

³ Ас-салям алейкум – араб. Мир Вам!

климат Аравии. Если большую часть года плюс пятьдесят и дует самум, раскаленный ветер пустыни, покажется высшим блаженством ходить по колено в воде.

Дворец, в котором проходили переговоры, отдаленно напоминал Воронцовский в Алупке, но был построен из белого камня. Три арочных входа, балюстрада по второму этажу, шестигранная башня с луковичными арками, увенчанная куполом, под крышей, похожей на шляпу вьетнамского крестьянина. Борьба местных традиций и европейского влияния. Постройка века девятнадцатого. Вокруг – сад, правда, уже вымерший, все же поздняя осень, вдали – горы.

Вертолетная площадка имелась. Там нас и встретили. Не то, чтобы очень почетно, но с ковровой дорожкой, оркестром и эскортом. На эскорт Марк подозрительно поглядывал.

Внутри обстановка вполне восточная. Большой зал. Стены с витиеватым растительным узором: золотом по синему. В центре зала – мраморный фонтан. Правда, в нем нет большой необходимости. Погодка как у нас, только солнышко светит. Как бы не жарко. Фонтан, однако, работает, вероятно, для престижа.

По ту сторону фонтана сидят по-турецки несколько бородачей в белых балахонах. В середине – мулла Мухаммад Абу Талиб. Я его узнал по фотографии. Черная окладистая борода, усы, маленькие острые глазки. Над всем этим возвышается белая чалма.

Я смотрел на него с любопытством. Недавно движение Муридан провозгласило его «повелителем правоверных», то есть халифом, наместником «посланника Аллаха», правда, никто больше с этим не согласился. «Повелитель правоверных» – титул владыки всех мусульман, а не кучки афганцев. «Если кто-то захочет присоединиться к халифату и признать муллу Мухаммада халифом – то мы не возражаем», – ответили муриды. Но никто не внял.

Мы сели и поприветствовали друг друга.

В дальнем углу зала я заметил еще одну фигуру, с головы до ног закутанную в черное. Женщина? Жена? Ничего удивительно. У них тут даже святые женаты.

Я повторил ультиматум Эммануила, но при этом добавил, что компромисс в принципе возможен, что Махди вовсе не доставит удовольствие уничтожение одного из древнейших городов мира (явная лесть) и что мы могли бы договориться.

Надо сказать, что по поводу того, кто такой Махди, в исламском мире существуют существенные разногласия. Партия Аиши, бессмертной вдовы Магомета, в основном считает, что Махди – это пророк Иса (Христос то есть), который вернется перед концом света, чтобы сражаться с антихристом. И Аиша⁴ подтверждает это многочисленными хадисами (высказываниями Магомета) и цитатами из Корана.

Партия же Фатимы⁵, дочери пророка, считает, что это двенадцатый праведный алид (то есть потомок ее мужа Али), который скрылся. То есть ушел куда-то в горы и не вернулся. И фатимиды ждут его возвращения. Судя по всему, Муридан должен был придерживаться первой концепции.

«Повелитель правоверных» был любезен и обходителен. Предложил кофе (я не отказался), поинтересовался здоровьем Эммануила. Последний вопрос меня рассмешил, но я сдержался.

– Прекрасно! По крайней мере, пули не берут.

– Удивительно!

– Самому пришлось наблюдать.

– Трудно в это поверить.

– А вы посмотрите за окно.

⁴ Аиша – одна из жен Мухаммада (по некоторым сведениям, любимая), дочь Абу Бекра. По преданию Мухаммад женился на ней, когда ей было шесть лет, и ввел ее в свой дом, когда ей было девять лет. После смерти пророка Аиша приняла активное участие в политической борьбе, выступала против партии Али. Активно занималась собиранием и передачей хадисов.

⁵ Фатима – старшая дочь Мухаммада от его первой жены Хадиджи, жена его двоюродного брата Али.

За окном, высоко в небе, висела Дварака.

Мулла не стал смотреть. Он прекрасно понял, что я имею в виду.

– И что обещает нам Эммануил, если мы сложим оружие?

Мулла Абу Талиб внимательно смотрел на меня. Наконец-то разговор приобрел серьезный оборот.

– Жизнь – сейчас и место в раю потом. Кроме того, если вы признаете Эммануила Махди, то сохраните все ваши завоевания, иначе режим будет сменен.

– Тот, кто был повелителем правоверных, вряд ли согласится на столь малое...

– Махди не может вам обещать сохранения титула. Но ведь это всего лишь титул...

Терпеть не могу эти восточные разговоры. Вокруг да около! Ну, да или нет? Мулла обещал подумать и «выработать концепцию».

Мы шли по ковровой дорожке к вертолету. Я не был доволен. Переговоры не привели ни к чему.

Позади звучал женский голос, слишком далеко, чтобы можно было разобрать слова. Выходя из дворца, я заметил, что дама в черном последовала за нами, где-то в конце делегации.

Филипп шел справа от меня, Марк – слева. Это важно.

Филипп рванулся влево, пытаясь столкнуть нас с дорожки, но не успел. Его тело обмякло, и я подхватил его и почувствовал горячую влагу между пальцами. Только тогда я понял, что случилось. Оркестр резко замолк. Я не слышал выстрела. Меня поразила тишина.

Подоспел Марк.

– Он ранен?

Почему-то я был уверен, что убит.

– Ранен, – констатировал Марк.

– Разрешите, я врач.

Я с удивлением посмотрел на закутанную в черное женщину. Впрочем, даже муриды разрешают женщинам работать в медицине. Просто странно видеть врача в чадре.

Мы осторожно подняли Филиппа и погрузили в вертолет. Я больше не собирался здесь оставаться.

«Врач» сделала попытку погрузиться за нами. И тут в мозгах у меня прояснилось. Шпионка? Шахидка! И я отстранил ее.

– Я только врач.

Альтернативы не было. Мне как-то не пришло в голову прихватить с собой врача.

– Марк, ты можешь ее как-нибудь проверить?

Марк отобрал у охранника металлоискатель и провел вдоль чадры. «Врач» стояла смирно. Марк отрицательно покачал головой.

Я не доверял металлоискателям. Здесь бы собаку, натасканную на взрывчатку. Я был готов верить, во что угодно вплоть до миниатомной бомбы, спрятанной под чадрой.

Филипп застонал.

– Отходит, кажется, – прошептал Марк.

Я переводил взгляд с Филиппа на нее и с нее на Филиппа. Я колебался.

– Да пусть лезет! – процедил Марк. – Где наша не пропадала!

Я молчал.

– Двараке ничего не грозит. Господь с нами. Помнишь Бургундию?

– А мы?

– Черт с нами!

Последнее, пожалуй, верно.

– Проходите, сударыня, – усмехнулся я.

И дама в черном прошмыгнула к Филиппу. Никаких медицинских инструментов я не заметил. Она просто положила руку ему на грудь. Он задышал ровнее. Мне бы удивиться, как следует. Но мозги опять отключились.

– Ладно, стартуем.

И мы взмыли в воздух.

Мы подлетали к Двараке. И ничего не взорвалось. И Филипп был жив. Я уже думал, что мы его доведем, когда взрыв все-таки раздался. Я резко обернулся, опасаясь увидеть лужи крови и оторванные части тел. Но все были целы, только «врача» отбросило от Филиппа.

– Это ракета, – пояснил Марк. – Под нами. Не задело. Последний салют движения Муридан.

Но я смотрел на Филиппа. Он не дышал. Я встал, шагнул к нему и закрыл ему глаза.

– Прости, Филипп, второй раз ты меня спасаешь.

Потом перевел взгляд на нее. Трудно судить о чувствах человека, лицо которого скрыто чадрой.

– Я ничего не могла сделать. Меня отбросило. Сожалею.

Я видел.

– Смотрите за ней в оба! – приказал я охране и вернулся к Марку.

Эммануил встретил нас сам на вертолетной площадке, на крыше дворца. Мы вынесли тело Филиппа и положили к его ногам. Он опустил на колени. Я уже знал, что произойдет. Господь взял Филиппа за руку, и его раны начали затягиваться. Потом он вздрогнул и закашлялся. Открыл глаза.

– С возвращением, Филипп.

– Господи! – шепот, одними губами.

– Люди огня!

Я обернулся. Женщина в черном стояла совсем рядом, это был ее голос. Мне кажется, она смотрела на Господа во все глаза. Если бы не чадра!

– Аллах сотворил человека из звучащей глины и сотворил джиннов из чистого огня⁶.

Эммануил с любопытством смотрел на нее. По-моему, он что-то пытался вспомнить.

– Вы примете меня? – спросила она.

– Пожалуй, да. Пойдемте!

– Господи! Мы даже не знаем, кто она такая!

– Спокойно, Марк. Я знаю.

В тот же вечер мы получили официальное послание с извинениями муллы. Он клялся, что ни он, ни муриды не имеют никакого отношения к обстрелу послов. Есть силы более радикальные (куда уж?), а они приложат все усилия к поиску преступников.

Эммануил только усмехнулся:

– Охранять надо лучше.

И ограничил срок действия ультиматума тремя сутками.

Дварака начала медленно опускаться на Кабул, и я вспомнил об острове Лапуту.

А утром я смотрел по телевизору новости местного канала.

– Сегодня около полудня наша почетная гостья Аиша, бессмертная вдова пророка (Да благословит его Аллах и да приветствует!), прибывшая к нам два дня назад из Города Мира Мадинат-ас-Салям⁷, была похищена неверными и увезена на летающий остров. В связи с этим мулла Мухаммад Абу Талиб объявляет джихад Эммануилу, выдающему себя за Махди, и его людям.

⁶ «Аллах сотворил человека из звучащей глины и сотворил джиннов из чистого огня» – Коран (55:13,55:14): «Он сотворил человека из звучащей глины, как гончарная, и сотворил джиннов из чистого огня».

⁷ Мадинат-ас-Салям – «Город Мира», средневековое название Багдада.

Дварака пошла быстрее.

События тоже продолжали развиваться. В полдень Господь объявил о том, что берет в жены Аишу. Свадебные торжества должны были состояться после рамазана в городе Мадинат-ас-Салям (то бишь в Багдаде).

Местные СМИ обвинили Эммануила в том, что он взял Аишу силой.

Дварака опускалась. Вид был как с третьего уровня Эйфелевой башни.

Глава 2

Эммануил вызвал меня к себе. Я думал, что речь пойдет об Аише. Признаться, я был немало заинтригован.

Пророк Мухаммад умер 31 год назад (правда, мусульмане утверждали, что был взят живым на небо). После себя он оставил двух женщин, двух вдов, пользующихся наибольшим авторитетом в исламском мире: любимую жену Аишу и дочь Фатиму. И эти дамы, мягко говоря, недолюбливали друг друга. Обе, несмотря на почет, оставались женщинами, практически бесправными в условиях жесткого патриархата. Обе искали мужчину, на которого можно опереться. Аиша нашла. Этот брак был, несомненно, выгоден и для Эммануила. Так он надеялся завоевать сердца мусульман.

«Люди огня»... О людях, сотворенных из пламени, я читал в запрещенной книге Жерара де Нерваля «История о Царице Утра и Сулаймане, повелителе духов». Хирам, строитель иерусалимского храма, якобы был из них. Вещь богоборческая, недаром запрещена. Царь Соломон, верный Богу, там мелок, туп и неприятен. И, судя по всему, замешен в убийстве Хирама.

Что имела в виду Аиша? Я надеялся на разъяснения.

Мои ожидания не оправдались.

Господь пил чай на крыше Дома Собраний. Предложил мне сесть.

– Я хочу познакомить тебя с одним человеком. Он пуштун. Поэтому несколько советов...

Дварака здорово опустилась за это время. Облака плыли высоко над нами, подсвеченные лучами заходящего солнца. Вокруг всплывали невысокие горы. Я подумал, что с тех гор Дварака элементарно простреливается.

– Не попадут, – успокоил Эммануил. – Я хочу познакомить тебя с одним местным принцем. Его зовут Дауд. Точнее Мухаммад Дауд-хан. Он племянник свергнутого короля. Возможно, он будет долго рассказывать о своей семье, кичиться предками и связями. Ты не удивляйся. У них так принято. Это приглашение к тому, чтобы ты тоже рассказал что-нибудь адекватное. Есть, что ответить?

Честно говоря, в моей семье не было ничего особенного. Более того, я был в ней самым успешным. А самой крутой связью была моя связь с тем, кто со мной сейчас разговаривал.

– Моя семья – вы и апостолы.

– Угу. Не вздумай только это ему сказать. Не поймет. Лучше придумай что-нибудь. Ну, например, что ты из древнего боярского рода. Или из царского. Дальний потомок какого-нибудь царя.

– Разве что царя Соломона. По линии двоюродной бабушки.

– А неплохая идея! Значит Сулеймана ибн Дауда. Замечательно! Главное, не проверить. Это точно.

– Кроме того, он может навязчиво и перманентно расхваливать свою религию. Не спорь. Воспринимай как бесплатные консультации по местной культуре. Кстати, это одна из причин того, почему я вас знакомлю. В общем, слушай, запоминай, но ислама не принимай, – он улыбнулся. – Только не вздумай ляпнуть, что это я тебе не велю. Скажи лучше, что у тебя, например, очень верующая матушка, христианка, и это ее огорчит.

Я хмыкнул.

Эммануил посмотрел на темнеющие облака, потом на часы.

– Опаздывает. Да еще. Они здесь «часов не наблюдают». Живут вместе с потоком времени. Так что не обижайся. Я, видишь, жду смиренно.

Очередной чай допить не успели – раздалась канонада.

Снаряды разрывались где-то по сторонам и под нами. Эффект от этого был еще меньше, чем два дня назад. Судя по всему, траектории снарядов отклонялись к земле, словно прижатые невидимой гигантской рукой.

Палили не долго. Минут десять.

– Я же говорил, что не попадут, – улыбнулся Господь.

– А, почему они прекратили?

– Потому что разбомбили полгорода.

Этот самый Дауд появился еще через полчаса, и даже не подумал извиниться.

Одет по-европейски, однако бородат. Вежливо улыбается.

– Мухаммад Дауд-хан, – представил Эммануил. – Петр Болотов.

В тот же вечер Дауд пригласил меня к себе.

Он занимал на Двараке дворец. Небольшой, с внутренним двориком, розарием и мраморными фонтанчиками, арками, росписями, как в мечети, и компьютером у окна. Над компьютером акварель с улочками Монмартра.

– Бывали? – спросил хозяин по-французски.

– Приходилось, – ответил я на пушту.

– Я учился в Сорбонне, – пояснил принц. – Кстати, мой дядя тоже. Он был прекрасным правителем, но сами понимаете, как трудно реформатору. Ему удавалось подавлять правые выступления, но левые военные совершили переворот. Теперь правление моего дяди называют золотым веком Афганистана. А моя матушка происходит из древнейшей пуштунской династии Дуррани⁸. По прямой линии от основателя афганского государства Ахмед-шаха, коронованного знаменитым суфием Сабир-шахом и оставившего после себя державу, доходившую на востоке до Ганга, на западе – до Каспийского моря, а на юге до океана. Мой отец состоит в родстве с Сефевидской династией и является потомком самого шаха Исмаила, царя-суфия, мистика и поэта, а по другой линии его род восходит к Дост-Мухаммеду⁹, основавшему Баракзайскую¹⁰ династию...

Я слушал вполуха и рассматривал акварель. Картина не из дорогих. Не иначе куплена на Тертре¹¹.

Большинство упомянутых Даудом имен мне ровно ничего не говорило. Но все равно ответить было нечего. У меня в роду не было даже министров. Ни одного, хотя бы завалящего. Ну, там путей сообщения, например. Глухо!

Зато связи куда круче. Подумаешь какая-то мелкая иранская династия! Я стоял рядом с Господом, когда мы завоевывали Москву. Я шел через огонь в Китае. Я управлял Японией. Я вместе с ним ступил на Двараку.

– Я стоял рядом с Махди в Государственной Думе России, когда мы брали Москву, – сказал я.

Дауд посмотрел на меня с уважением, даже как-то заискивающе.

– Моя двоюродная сестра по отцу Фатима замужем за эмиром Омана, – сказал принц.

⁸ Династия Дуррани – династия, основанная Ахмад-шахом (1747-1773), основателем Афганского государства. Ахмад-шах происходил из племени Абдали, которое по его приказу было переименовано в «Дуррани» («жемчужные»). Сам же шах получил титул «Дурр-и дурран» – «Жемчужина жемчужин».

⁹ Дост-Мухаммед (1790 – 1863) – эмир, основатель Баракзайской династии.

¹⁰ Династия Баракзаев – афганская династия потомков везира последнего представителя династии Дуррани Махмуд-шаха Фатх-Али-хана.

¹¹ Тертр – площадь на Монмартре, где художники продают свои картины.

– Я стоял рядом с Махди, когда императоры преклоняли перед ним колени.

– Мой троюродный брат Али женат на дочери Румского султана.

– Я управлял Японией в качестве наместника Махди. Знаком и с императором, правда, не очень близко.

– Мой дядя был дружен с самим Джами, основателем ордена Накшбандийя.

Опять суфий? Или поэт? Чтут они тут поэтов.

Дауд явно не был удовлетворен. Он ждал от меня чего-то еще. «Ты понятно, – говорил его взгляд. – А, как же семья? Чем она знаменита?» Я привык ценить человека за его собственные достижения. Европейский взгляд. Здесь не так. Семья важнее.

– Да, в моей семье есть легенда о нашем происхождении от царя Соломона, сына Давида.

Не хотелось уж слишком нагло врать.

Но принц пришел в восторг.

– Сулеймана ибн Дауда! Так мы почти родственники! Афганцы ведут свое происхождение от древних евреев. Мы потомки десяти колен израилевых, переселенных персидскими царями на восточную окраину Ирана.

Вот это да! Не ожидал. Впрочем, легенда конечно. Все восточные народы ведут свое происхождение либо от евреев, либо от Александра Македонского.

Я внимательно посмотрел на моего нового друга, который с чувством жал мне руку и норовил обнять.

Красив. Орлиный нос, черные выющиеся волосы, голубые глаза чуть на выкате. Его внешность заставляла верить в легенду. Бред конечно. Но антропологический тип!

Он пригласил меня к столу. Ухаживал очень трогательно. Был само гостеприимство. Еду подавали двое слуг.

Передо мной поставили целого барашка. Я несколько опешил. Барашка, однако, отведал. Весь не влез. Хозяин был разочарован.

– Не хотите ли еще?

– Еще одного барашка? – не сдержался я.

Хозяин обрадовался.

Появился слуга с еще одним барашком на подносе.

– Нет спасибо, – взмолился я. – Было очень вкусно.

Хотя, честно говоря, перца можно было положить и поменьше.

Хотелось пить. Но вместо вина подали кофе. Сначала слишком горький, потом слишком сладкий.

Наконец ужин кончился.

Хозяин встал вместе со мной и проводил меня до выхода. Я с трудом поклонился. Ох, тяжел ты внутренний барашек!

Еще один такой ужин, и я умру от обжорства.

Утром по телевидению выступила Аиша. Говорила, что выходит замуж по доброй воле, и призывала признать Эммануила Махди.

Муридан объявил, что это не Аиша. Еще бы, если она в чадре! Уважаемая исламская радиостанция «Полуостров арабов» объявила, что голос Аиши проанализирован с помощью компьютера и сравнен с несомненно подлинными записями. И это голос Аиши.

Дварака опускалась. Рядом с нами показался шпиль телебашни. Думаю, что Эммануил специально ее не тронул. Чтобы передавали о снижении Двараки. Оставалось менее суток.

Сообщение об убийстве муллы Абу Талиба пришло вечером третьего дня. Около пяти. Фидай¹². Шахид¹³. Говорили, что из Ирака. Из города Мадинат-ас-Салам.

¹² Фидай (араб. «искупать; жертвовать своей жизнью; выкупать, освобождать») – участники вооруженной борьбы, готовые

Дварака замерла в пятнадцати сантиметрах над минаретами главной пятничной мечети города.

А утром исчезла Мария. И Дауд. Это уж было совсем странно. Мне казалось, что он появился на Двараке вовсе не для того, чтобы отбить у Махди жену (одну из).

Эммануил был хмур и раздражен. Он стоял лицом ко мне, опираясь на стол. Столешница белого мрамора и белые руки Господа. Ничуть не темнее. За окном шумел сад. Двараке не было дела до поздней осени. Микроклимат.

– Твой Марк взял отряд и отправился на их поиски. Без моего позволения.

Еще одна странность. Мне казалось, что Марку должны нравиться совсем другие женщины. Чувства Марии не вызывали у меня сомнения. Марк в роли Ланцелота? Только Гвиневера любит Артура.

– Не вздумай рваться за ними. Наведи справки по твоим каналам.

Я навел. Глухо.

Зато позвонил Марк.

– Ты что с ума сошел. Господь в ярости! – гаркнул я. – Жить надоело?

– Не нервничай. Все, что я делаю, я делаю ради него. Этот эпизод должен быть сохранен в тайне. Здесь очень не любят скандалов.

– Ты, что их прирезать собрался?

– Посмотрим. Давай ко мне. Возьми вертолет.

– Куда к тебе?

– Вана. Сулеймановы горы. Ставка Дауда.

Желтые горы без леса. Только кое-где пучки кустарника и выступы темных скал. Безрадостная картина, несмотря на ясную погоду.

Мы приземлились в долине у подножия одного из четырехтысячников.

Палатки, камуфляж, пяток танков. Не очень впечатляет.

Зато огромный белый шатер в центре. Мы вошли. То есть я и пара телохранителей. Пилота и еще двоих я оставил в машине. На всякий случай.

В шатре происходил пир. Иначе не назовешь. Кормилось человек двести, не меньше. Во главе стола сидел принц Дауд в белом балахоне и чалме и обнимал Марка, который был занят барашком. «На земле мир и в человецех благоволение».

– Петр! Ас-салям алейкум! Добро пожаловать! – Дауд протягивал мне руку, словно надеясь дотянуться до меня через всю палатку.

Я подошел. Место рядом с Даудом по другую сторону от Марка мигом освободилось, и я сел.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я.

– Кормлю племя, – тихо ответил он. – Шейх должен быть гостеприимным.

Я окинул взглядом общество. Фраза насчет племени не была таким уж преувеличением.

– Где Мария?

– Потом, потом.

В сторонке толпилась стайка женщин. Но все в паранджах. Значит, Марии не было.

– Где Мария? – я начинал выходить из себя.

Дауд вытянул правую руку открытой ладонью вниз и начал медленно водить ею вверх-вниз, словно гладил кошку. Я с интересом наблюдал.

– Спокойно, не нервничай, – наконец прокомментировал он. – Это не застольный разговор. Потом обсудим. Кстати, ты женат?

– При чем тут это?

отдать свою жизнь за интересы мусульманской общины. Применяется к участникам освободительных войн, партизанам.

¹³ Шахид (араб. «свидетель») – почетный эпитет, применяющийся по отношению к мученику за веру.

– Просто, я слышал, что ты не женат.

Дауд посмотрел на меня с жалостью.

– Он тебя сейчас сватать будет, – сказал Марк.

Марк был на удивление трезв.

– У меня есть сестра очень красивая и добродетельная девушка, воспитанная в строгих традициях. Думаю, мы могли бы породниться.

– Как, еще одна сестра? – удивился Марк.

– У меня пять сестер, – с достоинством объяснил принц.

– Ты говорил, что ты единственный ребенок в семье.

– Единственный сын. Девочки не в счет. Ну, так, как?

Он вопросительно смотрел мне в глаза.

– Я слышал, что мусульманка не может выйти замуж за немусульманина.

– Это просто исправить. Надо только произнести шахаду в присутствии двух свидетелей.

Марк хмыкнул.

Дауд презрительно взглянул на него и даже расторг объятия.

Что такое шахада, я знал. Формула «Нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммад – пророк его».

Но произносить ее не собирался.

– Понимаешь... Моя матушка очень верующая христианка. Это ее огорчит.

Принц вздохнул.

Разговор о Марии состоялся поздно вечером. Так что Эммануил успел позвонить мне раньше.

– Я нашел их. Выясняю.

– Ладно, действуй.

Мы сидели в маленькой палатке на коврах, брошенных на пол. Втроем. Марк, Дауд и я.

– Это было, как молния! Я просто не смог ей отказать. Она попросила у меня вертолет.

Я-то думал!

– Я согласился. Не мог же я отпустить ее одну! Я поклялся заботиться о ней, как брат о своей сестре.

– Так, где она?

– Вот!

Дауд поднялся на ноги. Так он смотрелся еще колоритнее. Свободный конец белой чалмы свисает почти до пола, из-за пояса торчит кинжал в богатых ножнах. Рукоять украшена драгоценными камнями. Я засомневался насчет брата и сестры.

Вошла женщина в парандже. Подала руку Дауду. С отвращением откинула чадру и бросила под ноги. Принц посмотрел на нее с осуждением. Под чадрой обнаружилась Мария.

– Марк, привет. Курить есть? Эта занавеска жутко мешает.

Зажгла предложенную Марком сигарету. Дауд нахмурился.

– Да не сверли ты меня взглядом! Ваша Аиша дымит хуже меня, как паровоз.

Принц надулся.

– Вы общались? – спросил я.

– Еще бы! Пришла знакомиться со «старшей женой». Красивая сука!

Дауд побледнел, вскочил на ноги и схватился за рукоять кинжала.

Я протянул вперед правую руку ладонью вниз и стал двигать ею, словно глядя кошку.

– Видишь, женщина не в себе.

Дауд сел, но отвернулся.

– Почему Махди до сих пор с ней не развелся? – пробубнил он себе под нос.

– Это я с ним развожусь, а не он со мною.

– Маш, а ты не погорячилась? – примирительно сказал я. – Это же только политический союз.

– Как же, политический! Вы не видели ее без паранджи!

– Уж не порть ты ему политику, – попросил Марк. – Они здесь не поймут. Скажут, какой он царь, если с собственной женой справиться не может. Не нужен ему скандал.

– Что-то я не помню, чтобы мы венчались.

У Дауда глаза стали по железному рублю каждый.

– А об этом вообще лучше не упоминать, – заметил Марк. – Правда, принц? Как это у вас воспримут?

– Плохо, – сказал Дауд и закурил.

– Ну, вы мне еще мораль почитайте! – фыркнула Мария и тоже затянулась.

У меня начинала болеть голова. Что за мука быть в одной комнате с тремя курильщиками!

– Знаешь, Маш, ты же не только женщина, ты апостол. Ты служишь ему так же, как и все мы. И не имеешь права предавать, – жестко сказал Марк.

И тут Мария заколебалась. Даже сигарета замерла между пальцев. Так и дымилась. Я уже думал, что она скажет: «Марк ты прав, я забылась, я возвращаюсь».

И тут земля заходила у нас под ногами.

За последний год я попривык к землетрясениям и даже не испугался. Мигом оценил опасность палатки. Никакой опасности. Даже не рванулся к выходу. Спокойно опустился на ковры, пережидая толчок.

Варфоломей присылал мне по электронной почте свои многочисленные графики. Зависимость числа землетрясений от времени. По регионам, по месяцам. Частота техногенных катастроф, авиакатастроф. Частота наводнений и пожаров. Все кривые упорно ползли вверх.

Он просил у меня совета, как у математика, экспертной оценки. Говорил, что дилетант в статистике.

Да, конечно. Я ответил, что такие зависимости объясняются, скорее всего, неравномерностью информации. Чем ближе к нам по времени, тем больше фактов. Старая информация теряется, что создает иллюзию увеличения числа событий. Любых. Я посоветовал ему исследовать что-нибудь индифферентное и тоже построить график. Например, число концертов известных музыкальных групп в зависимости от времени.

Пару дней назад он прислал мне новые графики. Концертная кривая тоже ползла вверх, но далеко не так круто, как остальные. Тогда я не придал этому должного значения. Зато теперь задумался.

Пока гром не грянет...

Пока земля не затрясется...

Земля перестала трястись, и мы вышли из покосившейся палатки.

Прямо перед нами уползал под землю танк. То есть я сначала увидел танк, а потом уже гигантскую трещину, в которую он погружался.

И тут опять замотало. В тридцати шагах впереди дрогнули вертолеты и стали погружаться. Я вспомнил о пилоте и своей охране и бросился было к ним, но услышал крик.

Обернулся. Ко мне стремительно приближалась еще одна трещина, раскрываясь, как пасть. А в тещину сползал Дауд. Я схватил за руку Дауда. Принц был далеко не хилым парнем. Зато не собирался умирать и помогал мне изо всех сил.

– Теперь мы братья, – сказал он, оказавшись на твердой земле. – Что бы ни случилось, я твой младший брат.

И он обнял меня.

Рядом стоял Марк и растерянно оглядывался.

– Мария!

Я не успел понять, что с ней случилось. Впереди раздался треск. Это ломались, погружаясь в землю лопасти винтов вертолетов.

Наконец, все стихло.

Глава 3

Мы ехали по пыльной дороге по направлению к Газни. Даудов джип, в котором были и я с Марком, сопровождали еще два джипа и бронетранспортер с «родственниками».

Марию мы так и не нашли. Ни живой, ни мертвой. Впрочем, я сомневался, может ли умереть принявший причастие смерти.

Двое суток мы занимались последствиями землетрясения. Улететь мы все равно не могли, так как вертолеты накрылись в буквальном смысле слова и весьма толстым слоем земли.

Я не брезговал никакой работой, в том числе помощью врачу, единственному на «племя». А так как я не медик, помощь моя в основном заключалась в подсобной работе. Сначала врач смотрел на меня с удивлением, но потом смирился. Зато не смирился Дауд.

– Ты же уважаемый человек! Как ты можешь этим заниматься!

Я обратил внимание на отношение остальных членов племени. Брезгливое удивление. Ничего себе! Я надеялся достичь противоположного результата. Ладно, будем знать. Надеюсь, я еще не окончательно уронил свое достоинство в их глазах.

– Найми слугу, – уговаривал Дауд. – Я тебе хорошего порекомендую. И недорого.

– Подумаю.

Эммануил на нас пока не вышел, хотя вычислить наше местопребывание не составляло труда. Значит не до того.

Связь не работала: ни сотовые телефоны, ни обычные. Можно было постараться связаться с Господом самим, но как сказать ему об исчезновении Марии?

Выход предложил Дауд. Скорее суррогат выхода.

– Я хотел бы посоветоваться со своим пиром, – заявил он.

– Ты, что суфий? – удивился я.

– Да, мурид.

– О, Господи!

– Не всякий мурид – член движения Муридан.

Газни оказался пыльным восточным городишком, хуже Иерусалима. Зелени почти нет, вокруг те же безрадостные рыжие горы, что и возле Кабула. Окраины бедные. Множество развалин. Город несколько раз переходил из рук в руки, и только два дня назад был отвоеван Даудовым племенем (по коему поводу и был пир).

Мы проехали несколько приличных домов. Современных, но с местным колоритом. Белые с многочисленными арками. И оказались в историческом центре, производившим впечатление термитника. Высокий холм. Глинобитные дома с кривыми стенами по склонам и цитадель на вершине.

Даудов пир обретался в мечети недалеко от «термитника». Мечеть была много лучше исторического центра. Голубые расписанные ворота и такие же минареты. Она напоминала шлем, окруженный четырьмя копиями, врытыми в землю остриями вверх.

Пир жил не совсем в мечети, а в помещении при мечети, называемой «ханака». По нашему монастырь.

Впрочем, Даудова учителя мы увидели гораздо раньше. Точнее сначала мы увидели облако пыли и услышали отдаленный гул.

Дауд приказал шоферу остановить джип и вышел из машины. Все последовали его примеру. К нам приближалась процессия...

Дервиши. Все в темно синих шерстяных плащах, сшитых из кусочков. Лоскутные одеяла. Растянулись по дороге метров на двести. Я прикинул. Не менее четырехсот человек.

– Ху! Ху! Ху! – громко, с каждым шагом.

– Что они имеют в виду? – спросил я у Дауда.

– Творят зикр. Поминание Бога. «Ху» означает «Он», то есть Аллах.

Ах да! У меня это вызывало совершенно другие ассоциации.

– Ха! – выкрикнула процессия и остановилась.

– «Ха» – это последняя буква слова «Аллах», – прокомментировал Дауд.

Перед нами оказался хвост процессии. Здесь четверо дервишей несли открытый паланкин, в котором восседал старец с белой бородой и белыми волосами, напоминавший ветхозаветного пророка. Носилки почтительно опустили на землю.

– Ишк! – сказал старец по-арабски.

«Любовь».

– Барака, я Шахим! – ответил Дауд.

«Будь благословен, о, мой царь!»

И припал к ногам старца.

– Я выехал к тебе навстречу, – пояснил пир.

Интересно, откуда он знал. Учитывая сложности со связью. Но Дауд не удивился.

– Это мой муршид¹⁴ Сана'и, Абу-л-Маджд Мадждуд ибн Адам¹⁵.

Имя мне ничего не говорило, но, судя по выражению, с которым его произнес Дауд, это был очень крутой пир. На меня в упор смотрели глаза бессмертного.

– Ханака – гнездо для птицы «чистоты»¹⁶, это – розовый сад удовольствия и цветник верности, – проговорил пир. – Добро пожаловать!

Мы вошли. Ханака живо напомнила мне римские храмы константиновского стиля с неизменным внутренним двором, окруженным колоннадой. Здесь тоже был внутренний двор и тонкие колонны, поддерживающие арки. Как разрезанные пополам маковки церквей. За арками находились кельи дервишей. Дверей не имелось, только занавески на входе.

Нам выделили по келье. Пока мы с Марком осваивались на новом месте, Дауд пошел беседовать со своим наставником. Потом и нас позвали в общую комнату.

Сана'и и Дауд сидели на полу. Перед ними, на полу же была расстелена скатерть. Один из молодых муридов подавал чай.

Я не знал, как надо правильным образом приветствовать пира человеку, не являющемуся его учеником и сдержанно поклонился. Сана'и пригласил нас к столу.

– Мой учитель сказал, что Мария жива, – проговорил Дауд. – И она где-то здесь. Мы должны найти ее.

Я перевел взгляд на Сана'и.

– Почему вы так думаете?

– Это не тот вопрос, который вы хотели задать.

Я посмотрел ему в глаза, точнее он заставил меня посмотреть.

– Кто такие «люди огня»? – спросил я.

– Вот это тот вопрос. Я мог бы ответить «джинны», но это не было бы тем ответом. Сатана похвалялся, что создан из пламени. Потому и отказался пасть ниц перед Адамом, сотворенным из глины. Потому что это ширк¹⁷ – поклоняться кому-нибудь, кроме Бога. Сатана оказался лучшим единобожником, чем сам Бог.

Идите, учитесь у Сатаны служению:

Выбирайте одну киблу¹⁸ и не поклоняйтесь ничему иному.

¹⁴ Муршид – учитель.

¹⁵ Санаи – афганский суфий, учитель Руми, автор газели «Жалобы Сатаны».

¹⁶ Стихи Санаи.

¹⁷ Ширк – многобожие, худший грех в исламе.

¹⁸ Кибла – направление на Мекку.

Сатана был первым истинным суфием, первым и лучшим из влюбленных в Аллаха. Аттар¹⁹ писал от его лица: «Для меня в тысячу раз дороже быть проклятым Тобою, нежели отвернуться от Тебя и обратиться к чему-либо другому».

– Он ошибался?

Мне было не по себе. Сана'и отвечал не на слова, а на мысли. Образ Люцифера всегда казался мне загадкой. Как могло лучшее из творений божьих оказаться и самым злым?

– Ошибался. Потому что ширк невозможен, многобожие – только иллюзия. Нельзя поклоняться ничему, кроме Аллаха, потому что все Аллах. Сатана не смог увидеть в человеке Бога.

– Значит все равно, чему поклоняться?

Шейх улыбнулся.

– Неверность и вера – обе бредут по Твоему Пути, говоря:

«Он один, у Него нет сотоварища!»

– Значит все равно, кому служить?

– Цель человека в том, чтобы явить Богу его образ, чтобы тот мог лицезреть себя со стороны. А значит, все поступки человека угодны Богу.

– И Эммануил?

– Более чем. Мухаммад – хранитель Божественной милости, Иблис²⁰ – хранитель Божественного гнева. И это лишь один из путей. Его сердце было гнездом симурга любви. И Мансур ал-Халладж писал от его лица: «Мой бунт провозглашает Твою святость!»

Я вышел на свежий воздух, под крупные осенние звезды. Я задыхался. Они оба, Дауд и Сана'и, все прекрасно понимали и, тем не менее, выбрали. Выбрали Господа. Моего Господа.

Ночью я не спал. Зажег свечу в своей келье. Думал. А ближе к утру раздались далекие выстрелы.

Очередь. Еще одна.

Взрывы.

Я вышел на улицу, заглянул к Марку. Он спал.

Решился заглянуть к Дауду. Келья была пуста.

Шум приближался.

Телевизора в келье не было, радио тоже. Пришлось до утра мучиться неизвестностью.

Перед рассветом явился Дауд с группой родственников. Все запыленные, усталые и злые. Молча отправились в общую комнату.

Не прошло и получаса, как в ворота забарабанили. Точнее дали изо всей силы раза три. Я решил, что кувалдой. Выяснилось, что ошибся. Прикладом автомата.

Пир Сана'и подошел к воротам, встал в окружении своих учеников. Один из младших муридов открыл ворота.

Там стояла рота автоматчиков – все в чалмах со свисающими свободными концами, как у Дауда, и серых длинных балахонах. Я понял: Муридан.

– Повелитель правоверных маулана²¹ Наби почтительно просит у шейха Сана'и позволения обыскать ханаку.

– «Повелитель правоверных»? – с иронией переспросил пир.

Студиозусы замялись.

– Маулана Наби провозглашен халифом позавчера в Кандагаре. Вместо мученика веры муллы Абу Талиба.

¹⁹ Аттар – иранский суфий (конец XII – начало XIII в.), автор поэмы «Беседа птиц», аллегорического произведения о мистическом пути души.

²⁰ Иблис (Иблис аш-Шайтан) – Сатана. В исламе также повелитель джиннов.

²¹ Маулана – «наш господин».

Понятно. По всей видимости, Муридан жив, а я уже нет.

– Здесь нет ничего для вас интересного, – сказал Сана'и.

– Мы ищем шпионов Эммануила.

– И никого.

Зачем эти церемонии? Автоматы навскидку и вперед!

И тут я понял. Они боялись Сана'и. Очень боялись.

– Просим нас извинить, уважаемый шейх.

И они ушли. Ни с чем. Не сделав ни одного выстрела.

До полудня мы проторчали в ханаке. Выходить было опасно. Но под лежащий камень вода не течет. Надо было что-то делать.

В полдень дервиши творили намаз. Я переждал, пока Дауд закончит, и позвал его в свою келью. Марк уже был у меня.

Мы решились выйти в город. Главную проблему здесь составляла наша с Марком безбродость. По этому признаку нас отловят сразу.

– Интересно, здесь есть театр? – задумчиво спросил я.

Дауд встал, отодвинул занавеску и позвал:

– Али!

На зов явился простоватый пуштун, который всегда таскался за Даудом. Впрочем, я не особенно обращал на него внимание по причине его бессловесности.

– Узнай, есть ли здесь театр.

Али исчез.

– А вообще может быть?

Я плохо себе представлял, как ислам относится к театральному искусству. Хотя есть же у них традиция книжной миниатюры. В свое время это тоже явилось для меня откровением.

– Может, – ответил Дауд. – Театр в принципе не противоречит шариату. По этому вопросу даже была особая фетва²². Но Муридан закрыл все театры.

– А как же фетва?

– У них свои фетвы. Национальный театр в Кабуле уже несколько лет не работает.

Театр был. Но был скорее мертв, чем жив. Разгромлен, разграблен, брошен. В короткий период междуцарствия ничего не успели восстановить.

Дауд приказал Али поискать в развалинах нужный нам реквизит. Нашлось две бороды (черная и рыжая) и роскошные почему-то тоже рыжие усищи. Последние (и последнюю) на всякий случай перекрасили тушью в более распространенный здесь черный цвет. Усы подрезали.

– Только бы не было дождя, – заметил я.

Все-таки в чадре есть свои преимущества. Не надо прибегать к таким ухищрениям. Но Дауд наотрез отказался переодеваться женщиной и на нас посмотрел с таким презрением, что мы тоже оставили эту идею.

Перед закатом раздался крик муэдзина. Дервиши расстелили молитвенные коврики, разулись и заорали: «Аллах акбар!²³» – начался намаз.

После заката дервиши совершили намаз еще раз.

А через некоторое время – еще раз.

На утро был назначен наш выход.

Я проснулся от крика «Аллах акбар!» – после рассвета дервиши тоже творили намаз. Колоритно конечно, но сколько ж можно! Я плюнул и перевернулся на другой бок.

²² Фетва (араб. «решение, заключение») – официальное решение, заключение, выносимое духовным общинным авторитетом на основе шариата по поводу какого-либо религиозно-правового вопроса.

²³ Аллах акбар! – араб. «Аллах велик!». Это так называемый «такбир» – возвеличивание Бога, с которого начинается мусульманская каноническая молитва (араб. «саят», перс. «намаз»).

Тогда дервиши начали громкий зикр²⁴.

Я смирился и встал.

После зикра Сана'и вызвал нас в общую комнату. Точнее только меня и Марка.

– Я знаю, что вы собираетесь предпринять, – сказал он. – Это опасно.

Мы промолчали. Как будто мы не знали!

Вошел молодой мурид, благоговейно неся два синих лоскутных одеяла, которые суфии носят вместо плащей.

– Это вас защитит, – сказал Сана'и. – Хирку²⁵ дают не сразу и не всем, но те, кто с Махди заслуживают ее. – Суфий должен дать клятву покорности учителю, но я от вас этого не требую. Вы уже дали клятву вашему Учителю и вряд ли смените его на другого.

Мы облачились в лоскутные одеяла и вышли во двор. Там нас встретил Дауд, тоже в лоскутном одеяле.

Кем это мы заделались? Почетными муридами?

Я надвинул капюшон. Может быть, удастся обойтись без накладной бороды? Посмотрел на свое отражение в бассейне для омовения. Нет, не удастся. Пришлось гримироваться.

У подножия «термитника» находилось несколько мечетей, сохранившиеся еще со времен великих визирей династии Аббасидов²⁶. Тонкие росписи минаретов и ворот. Людей и животных изображать было нельзя (точнее не совсем можно) и весь талант народный ушел на изображение узоров.

После этого великолепия лезть в глинобитный лабиринт не очень хотелось, но полезли. Без цитадели «экскурсия» казалась неполной.

Здесь стояли многочисленные посты движения Муридан. Воинственные व्यоноши в длинных балахонах (как только воюют в такой неудобной одежде) и с автоматами. Но к «дервишам» относились с почтением и не любопытствовали.

– Петр, посмотри, – тихо сказал Марк. – Сейчас что-то начнется.

Я не сразу понял, что его насторожило. Огляделся, стараясь делать это не слишком явно.

Один из муридов ближайшего к нам поста говорил по рации. Другой, через пятьдесят метров, тоже.

Через минуту двое студиозусов с автоматами отделились от общей группы и решительно направились к нам. Сердце у меня екнуло. В ханаке я видел, как Марк прятал пистолет под хирку.

– Святые мужи, не могли бы вы проследовать за нами? – звучало очень вежливо, но я не обманывался.

– Чем мы можем помочь воинам Аллаха? – Дауд взял на себя роль переговорщика. И правильно, он лучше знает местные обычаи.

– Сейчас на стадионе имени Ахмед-шаха должно состояться правосудие. Не могли бы уважаемые суфии присутствовать при этом и показать добрый пример народу.

Народ не очень хотел следовать доброму примеру. Его насильно сгоняли к месту казни. И далеко не так вежливо, как нас.

А мы не стали спорить, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. При таких обстоятельствах лучше промолчать.

Стадион имени короля Ахмед-шаха был по европейским меркам небольшим, но вполне стандартным. Поднимающиеся ряды кресел и беговая дорожка по периметру.

В центре в землю были врыты три столба, и стояла деревянная болванка. Я предположил, что плаха.

²⁴ Зикр – поминание Бога.

²⁵ Хирка – плащ дервиша (суфия).

²⁶ Аббасиды – династия, правившая Багдадским халифатом с 749 по 1258 г.

И не ошибся.

Вывели двух мужиков, донельзя испуганных. Объявили, что они воры. Потащили к плахе. Молодой мурид взял топор и отрубил «вору» кисть руки. Раздался крик. Рану прижгли раскаленным металлом. Запахло паленым мясом.

Схватили второго. И тут я заметил, что он уже без руки. Объявили, что он рецидивист и уже был ранее пойман за воровство.

Он бился и кричал. Ему отрубили ногу по щиколотку.

Я повернулся к Дауду и тихо спросил:

– Это по шариату?

– Нет! Никогда такого не было! Мусульманские законы милосердны.

Я потом рассказал об этом Эммануилу. Он расхохотался.

– «Если кто-нибудь приведен к имаму²⁷ по обвинению в воровстве и против него будут представлены доказательства в совершении им такового, причем стоимость украденного в виде вещей будет равна десяти дирхамам или же украдены просто десять дирхамов чеканной монетой, то пусть ему отрубят руку у сгиба, а если он вновь после этого украдет десять дирхамов²⁸ или что-либо равноценное, то ему следует отрубить левую ногу. Относительно того места, в котором следует отрубить ногу, среди сподвижников Мухаммада существовали разногласия: одни говорили, что нога отрубается в суставе, а другие, что она отрубается в подъеме. Так и ты придерживайся того из этих мнений, какого пожелаешь, ибо я уповаю, что в этом тебе предоставлена свобода действий», – Эммануил цитировал с каким-то даже упоением. – Это Абу Юсуф, – пояснил он. – Ученик основателя ханафитского мазхаба Абу Ханифы. Так что шариат, Пьетрос. Самый, что ни на есть, шариат.

– Основателя чего? – переспросил я.

– Мазхаба, Пьетрос, правовой школы.

Понятно, христианство – религия философская, и разделение идет по вопросу о том, например, обладал ли Христос человеческой природой или только божественной. Ислам – религия правовая, и разделяется по вопросу о том, что, до какого места и в каких случаях следует отрубать. Ну, кроме конечно основного вопроса всех религий – вопроса о власти.

– Одна женщина из племени курайш²⁹ украла одеяло из дома Мухаммада, и люди стали говорить, что он собирается отрубить ей руку. Они ужаснулись этому и стали просить за нее. Мухаммад отказал. «Клянусь тем, в чьих руках находится моя душа, если бы Фатима дочь Мухаммада содеяла нечто такое, что содеяла эта женщина, то Мухаммад безусловно отрубил бы ей руку». Это хадис³⁰, восходящий к Аише. Даже диких аравийских кочевников возмущала подобная жестокость.

– Зачем же им было дано такое откровение?

Эммануил тонко улыбнулся.

– Не я его давал. Ты знаешь.

Да, я знаю, но впервые Эммануил заявил об этом так откровенно. И вовремя. Все равно он мой Господь, даже если сын того лучшего из ангелов, что был сотворен первым и наделен всеми добродетелями, кроме одной – смирения. У меня ее тоже не было.

Но пока я сидел на стадионе, смотрел на кровь, стекающую по плахе, и вдыхал запах жженой плоти. Муриды притащили еще троих осужденных, двух мужчин и женщину в чадре. Привязали к столбам. Прочитали приговор. Шпионы. Я понял, что будут расстреливать.

²⁷ Имам (араб. предстоятель) – духовный руководитель, глава мусульманской общины.

²⁸ Дирхам – серебряная монета в 313 г.

²⁹ Племя курайш – племя, к которому принадлежал Мухаммад.

³⁰ Хадис – предание о словах и поступках Мухаммада.

Один из муридов поднял автомат. Я заметил, что у них не было палача. Исполнением приговоров занимались все по очереди. Да, отправление правосудия – долг каждого мусульманина. Джихад руки³¹. Точнее топора и автомата.

Раздался залп. Двое мужчин справа и слева от женщины осели сразу, а она подняла голову и выпрямилась, несмотря на дыры от пуль на чадре.

Муриды замерли пораженные. На миг. Потом дали еще залп. И она расхохоталась.

– Джинния! – выкрикнул кто-то из зрителей.

– Джинния! – подхватил стадион.

– Мария, – тихо сказал я.

Но Марк услышал и выхватил пистолет. Ближайший к нам мурид упал, как подкошенный. Из-под хирки Дауда возник короткий автомат (не иначе как израильского производства). Принц положил еще троих членов Муридана. Они просто не успели опомниться.

А потом стадион накрыло тенью.

Я посмотрел вверх. Над нами плыла Дварака.

Раздались крики и снова выстрелы. Стадион был окружен. Наверху, на последних рядах, стояли пуштуны, от муридов в общем-то ничем не отличавшиеся, но держащие их под прицелом. Я понял: племя.

Через пять минут все было кончено.

– Мы выполнили твой приказ, Дауд-хан!

Дауд важно кивнул.

Дварака плыла в сторону Кандагара. И нам туда же.

Но сначала Дауд потащил нас в ханаку благодарить пира за помощь и покровительство.

Сана'и подозрительно посмотрел на Марию.

– Говорят, она джинния?

– Джинны тоже принимали ислам, – вступился принц.

– Она служит Махди так же, как и мы, – поддержал Марк.

– Ну что ж, одна праведная женщина стоит ста грешных мужчин, – сказал пир и пустил.

Торопиться не стали. Решили переночевать в ханаке. После вечернего намаза собрались у меня.

Мария много курила.

– Как тебя угораздило? – спросил я.

– Да, для этих любая одинокая женщина, как бельмо на глазу. К тому же я не мусульманка. Раскусили.

– А как ты сюда добралась?

– Автостопом.

– Что?

– Нормально. Наврала, что я вдова и еду на могилу мужа. Подвозили только так. Жалели. Один даже предложил стать его четвертой женой. По примеру пророка. Это у них такая благодетельность. Давка, я просила тебя найти мне работу. Где работа?

– Это не так-то просто. Муридан запретил женщинам работать в СМИ. Сейчас конечно ситуация изменилась...

По-моему, «Давку» передернуло от обращения.

– Ладно, хватит базарить, – вмешался Марк. – Мария, мы завтра выезжаем в Кандагар. Ты с нами?

– Хм, куда ж денешься... С вами.

³¹ «Джихад руки» – наказание преступников и правонарушителей.

Дорога в Кандагар была столь же безлесной и рыжей, как все здесь. Впечатление дополняло осеннее запустение. Зато ясно, небо чистое, только над горами маячат небольшие белые облачка.

По дороге Дауд пытался заручиться моей поддержкой перед лицом Эммануила.

– Ты попросишь за меня, брат? Мы же ее спасли.

Сомневаюсь, нуждалась ли она в спасении. Давка пожал мне руку двумя руками (свободной ладонью поддерживая мою). При этом он смотрел мне прямо в глаза.

– Петр, сделай это ради меня.

Я кивнул. Забавно, что принц меня о чем-то просит.

Мы преодолели не менее полдороги до Кандагара, когда услышали позади отдаленный гул.

Я обернулся. Над дорогой поднимались столбы темного дыма.

– Дауд, что это?

– Смерчи?

Это было только предположение, принц не знал.

– Надо бы свернуть с дороги, – добавил он.

Легко сказать! Слева рыжая гора, а справа обрыв. Мы прибавили скорость. Не помогло. Столбы увеличились в размерах, и под дымом засияло пламя.

Али (Даудов слуга, как я теперь понял) тоже обернулся и во все глаза смотрел на огненные столбы.

– Джинны! – прошептал он.

Я усмехнулся:

– Вот человек, не испорченный европейским образованием.

Но, честно говоря, было не до шуток. Правда, горы сменило каменистое плато, и мы съехали с дороги. Нешадно затрясло.

Столбы двигались уже вровень с нами. В основном по дороге, но захватывая метров по десять придорожного полотна слева и справа от нее.

Я стал считать: десять, двадцать... Бесполезно! Появлялись все новые. На нас пахло жаром.

Войско огня.

Войско? С огненными столбами начала происходить еще одна метаморфоза. Они уменьшались в размерах и обретали плоть. По дороге действительно двигалось войско. Войско рослых воинов в алых одеждах и черных старинных доспехах с круглыми щитами на спине. С пиками и кривыми саблями. Они шли на Кандагар.

– Джинны, – повторил Али. – Я же говорил.

– Старомодное у них вооружение, – попытался сострить я.

– Ага, – мрачно сказал Марк. – Живой напалм.

Войско джиннов спускалось с гор и обтекало нас несколькими огненными реками. Нас не тронули. Только обветрило и обгорело лицо, словно на жарком южном солнце.

Джинны вошли в Кандагар, и Муридан исчез как-то сам собой, почти бесшумно и бездымно, только успев напоследок вякнуть по ТВ, что войско джиннов – войско Иблиса.

А Эммануил откровенно любовался.

– Как тебе мое новое войско, Пьетрос?

– Колоритно. А желания они исполняют?

– Только те, что не противоречат моим.

Не знаю, остались ли у меня желания.

Просить за Дауда не пришлось. Эммануил зла не держал.

– Маша несколько переволновалась, – сказал он. – Вы тут ни при чем. А Давку можешь успокоить, будет он падишахом.

Ах, вот оно в чем дело! Но, насколько я знал, Даудов дядя был еще жив и обретался в славном городе Риме.

– Жив, Пьетрос. Ну и что? Никогда не стоит восстанавливать у власти свергнутых правителей. Свергнутый правитель, как падшая женщина. Пусть сидит себе в своей Италии. Я заплатил ему отступные. Немного, Пьетрос. Какой-то миллион солидов. Но он обещал поддержать Давку на Лои Джирге. Мне нравится этот мальчик. Несколько импульсивен, но здесь все такие. Бывает хуже.

Я вспомнил «Давку» в национальной одежде: белая чалма со свободным концом, свисающим до пят и кинжал за поясом. Давка-удавка! Интересно, знает ли он, как его за глаза называет Эммануил?

Коронация Дауда состоялась в Кабуле непосредственно накануне рамазана и прошла вполне спокойно. Дауд-хан имел репутацию щедрого шейха, а это здесь ценилось чуть ли не выше всего. Так что народ в основном не возражал, а если кто и возражал, не смел пикнуть.

И тогда же открыли театры. В Национальном театре Кабула играли свеженаписанную пьесу по мотивам предыдущих событий. В конце спектакля на сцене появлялась женщина в свадебном платье, символизирующая собой мир. По сравнению с европейскими постановками, эта показалась мне явной кустарщиной.

Так закончились наши афганские похождения. Наш путь лежал в Исфахан.

Правившая в Иране последние четыреста лет Сефевидская династия³² поддерживала шию (то есть партию) Фатимы, дочери пророка, и по сему поводу называлась шиитской. И это была проблема. Эммануил не имел ничего против того, чтобы жениться и на Фатиме. Только как это воспримет Аиша? Ее партия была больше. Ситуация осложнялась тем, что в Иране появился некий проповедник, тоже объявивший себя Махди. И, по слухам, Фатима с ним встречалась.

Рамазан решили переждать. В Афганистан должна была подтянуться армия. Давка не возражал. Ха! Попробовал бы он возразить!

Рамазан перевернул мои представления о посте. Да, это сложно, выдержать целый день без еды и питья, особенно в жарком климате, зато после заката начинается веселье. Улицы городов украшены иллюминацией и полны народу: все ходят друг другу в гости. И обжираются так, что на неделю хватит.

Мы ходили в гости к Дауду, а Дауд – к нам. То есть ко мне или к Марку. Иногда ночные приемы устраивал Эммануил, и тогда мы все собирались у него. Хозяйками были Аиша и Мария. Хун-сянь стояла у дверей на пару с одним из джиннов.

Честно говоря, принимать у себя Дауда (а он каждый раз приводил с собой половину племени) было для меня обременительно, и я выпросил у Эммануила одного из джиннов. Джинн был мусульманином, происходил с севера Афганистана и звался Нурали абд-ар-Рахман. Из него получился неплохой мастер банкетов. По совместительству я использовал его как консультанта по исламу.

– Рамазан милосерден, – желал мне Дауд на прощание.

– Аллах еще милосерднее, – неизменно отвечал я.

На время рамазана Дварака приземлилась вблизи Кандагара, и ночами сияла, как полная луна. Местное население бродило по ее улицам, мимо белых дворцов, охраняемых джиннами и китайскими сянями, и только цокало языками. Даосских бессмертных представили мусульманам как особого рода джиннов, что, вообще говоря, неверно. Сяни – люди, ставшие бессмертными, и природа их другая.

³² Сефевидская династия – иранская династия. Пришла к власти в 1502 году. Основатель – шах Исмаил (1487-1524), суфийский шейх и поэт-мистик.

В начале поста было лунное затмение. А через две недели – солнечное. Полное, с сияющим ореолом вокруг темного диска. С тьмой в середине дня. Говорили, что это знак явления Махди.

На третий день после праздника разговения Дварака поднялась в воздух и медленно поплыла дальше на запад, к Исфахану. Но первым пересекло границу Персии войско джиннов. Приближалось Рождество.

Мы не встретили сопротивления. Сефевиды были слабы. Умиравшая династия. Последний шах, тем не менее, пытался изображать пира. У меня было для него письмо от Сана'и.

Глава 4

Площадь Имама, или Мейдене Шах. В длину никак не меньше полукилометра. Много я видел здоровых площадей, но эта переплюнула даже Конкорд и ненамного уступала Площади Небесного Спокойствия. Со всех сторон окружена двухэтажными арками, на юге – Шахская мечеть. Желтые стены, на ними – изразцовый купол неопределенного цвета, то ли зеленый то ли

оранжевый – словно ковер на вершине бархана. Два минарета – сине-зеленые пики. Красиво. Когда-то Исфахан называли «половиной мира».

Солнце падало за гору Загрос, такую же безлесную, как в соседнем Афганистане.

Я совершал эту экскурсию один. По случаю Рождества Господь послал в Рим Марка и Марию. Там в соборе Святого Петра планировалось отметить годовщину римской присяги. Эммануил собирался поехать сам, но в последний момент передумал.

Был вечер двадцать пятого декабря. Температура чуть выше нуля, но солнечно. Я с содроганием вспоминал заснеженный Рим.

Иран был наш уже более недели, только на севере в горах Эльбурс скрывался новоявленный пророк, объявивший себя двенадцатым имамом Мухаммадом Мунтазаром.

Фатиму мы так и не нашли. Эммануил хотел решить дело миром, пытался передать ей через посредников предложение о браке. Обещал, что они с Аишой будут жить в разных дворцах. В «Небесном Иерусалиме» дворцов хватит на всех. Заранее добился от Совета Улемов фетвы, утверждающей возможность такого брака. Известно, что Коран запрещает жениться на двух сестрах (объединять сестер), сунна запрещает брать в жены одновременно тетку и племянницу, а вот о мачехе и ее падчерице ничего не сказано. Забавно было то, что мачеха на несколько лет младше падчерицы.

Фатима не вняла и не оценила. Ответа не было. Тем хуже для нее.

Темнело. В арках зажглись огни. Словно лампы.

Зазвонил телефон.

– Пьетрос, знаешь, что происходит?

– ...?

– Срочно возвращайся.

Я был на Двараке в половине десятого по местному времени.

– Час назад, в одиннадцать вечера по европейскому времени террористы захватили собор Святого Петра и площадь перед ним. Около ста пятидесяти тысяч заложников. Идиоты! У меня в заложниках целая страна.

Он скромничал, наш Господь, у него в заложниках полмира.

Эммануил собрал нас всех: Иоанна, Филиппа Лыкова, Матвея. Не так уж много: Марк с Марией в Риме (в заложниках), Варфоломей – в Японии, Андрей – в Индии. Лука Пачелли и Якоб Заведевски – тоже в Риме. В заложниках?

– В заложниках. Успели позвонить по сотовым. Марк доложил: автоматчики на хорах, шахида со взрывчаткой по периметру. Что на площади, он не знает.

Площадь показали по телевизору. Автоматчики по балюстрадам над портиками, между статуями святых. Утверждают, что центральный обелиск, оба фонтана и колоннады заминированы. Точнее заминирована канализация под площадью. Площадь запружена толпой.

«Церковь святого Петра, будучи матерью всех других церквей, должна иметь портики, что, подобно рукам матери, раскрываются всем: католикам для утверждения веры, еретикам для воссоединения с Церковью, а неверным для просвещения истинным светом веры», – говорил Бернини. Теперь «руки матери» больше напоминали щупальца спрута, охватившего толпу.

Эммануил смотрел на нас:

– Ну, какие будут предложения?

Он редко просил у нас совета. Или просто хотел разделить ответственность?

– Кто они?

– Не тебе об этом спрашивать, Пьетрос. Кто из нас Великий Инквизитор?

Я кивнул.

– Выясню.

Выяснилось само собой. В два ночи по европейскому времени террористы пустили к себе журналистов. Они требовали вывести войска из всех исламских стран. И немедленно. Эммануилу давали три дня.

Я был почти уверен, что ветер дует из Эльбурса. Подключил местные спецслужбы, созвонился с Даудом и Сана'и. Мои догадки подтверждались.

Итальянские спецслужбы занялись исследованием возможности штурма. На стол к Эммануилу лег план подземных коммуникаций с комментариями. Места для взрывчатки оказалось до хрена, возможностей подхода тоже. Правда, террористы обещали взорвать все при малейшей опасности. У них наверняка есть подземные посты. Быстро придумали пустить газ в канализацию. Но это могло не помочь, если у них есть дистанционные взрыватели наверху. На открытом воздухе газ не поможет. Если только очень серьезная концентрация. Но на сто пятьдесят тысяч человек антидота не напасешься. Да и разнесет по всему городу.

Между тем события развивались.

Поступила информация, что террористы расстреляли одного из заложников. Для примера. По телевизору продемонстрировали фотографию. Зря они это сделали. Господь был в ярости. С фотографии на нас смотрел Якоб Заведевски. Думаю, они знали, кого расстреливают.

Я вспомнил австрийский хойригер, и у меня стало темно на душе. Якоб был милейшим парнем. Даже, если Эммануил – зло, добро и зло поменялись местами, и «светом стала тьма».

Звонил Марк. У него еще не сел мобильник. Они с Марией были в крипте. «Я что-нибудь придумаю, – говорила Мария. – Меня не расстреляешь».

Около шести утра поступило сообщение о том, что Дети Господа захватили стадион в Риме и сгоняют туда всех, кто похож на араба.

Был телерепортаж. Марта стояла перед камерой, чуть позади – брат Анджело.

– За каждого убитого заложника мы будем расстреливать по десять мусульман. Погиб один из апостолов. Он стоит, по крайней мере, двадцати, но пока еще мы милосердны.

Ее белые волосы развевались по ветру, губы были плотно сжаты, блеск в глазах.

– Мы тоже шахида, и мы умрем за своего Господа, только нас он воскресит, а их нет.

На ней – пояс, якобы со взрывчаткой. Зачем только? Приказу Эммануила они подчинятся и так, а больше некому приказывать. Скорее для того, чтобы произвести впечатление.

Милосердие Детей Господа заключалось в том, что они расстреляли все-таки десятерых, а не двадцать человек, как грозились. Расстреляли так же, как муриды, посередине стадиона. Слишком напоминало Газни!

– Что с ними делать, Господи?

– Не мешать! А мне найдите родственников террористов.

Падишах Дауд и шах Ирана Тахмасп Третий прорвались к Господу просить за единомышленников.

– Найдите мне их родственников, – повторил Эммануил.

К этому моменту уже было известно, что основную роль в захвате заложников сыграла террористическая группа Муджахеддин е-Иран и последователи новоявленного двенадцатого Имама.

Родственников собрали в одном из дворцов Двараки и заминировали. Вокруг установили телекамеры.

– Как только прозвучит взрыв в Риме – будет взрыв здесь, – сказал Эммануил. – Единственный эффективный метод борьбы с терроризмом – это терроризм.

Дварака поднялась и поплыла на север, в сторону хребта Эльбурс, точнее к городу Казвину, неподалеку от которого скрывался Мухаммад Мунтазар. Казвин накрыло тенью.

Вечером Господь выступил по телевидению.

– Во-первых, ультиматум террористов не будет выполнен ни на йоту, ни при каких обстоятельствах. Во-вторых, условия моего ультиматума. Если заложники не будут освобождены в течение суток, Небесный Иерусалим сначала раздавит Казвин, а затем будет взорван дворец с родственниками преступников. Если же заложники будут освобождены, я гарантирую жизнь всем сдавшимся террористам.

Если бы там был порох, можно было бы затопить подземные коммуникации под площадью Святого Петра. Но с современными взрывчатыми веществами этот номер не пройдет. Ни тротил, ни гексоген не гигроскопичны, плохо растворимы в воде и при длительном смачивании своих свойств не теряют.

К тому же поступила информация, что заминированы крыши портиков. Но, если взорвутся только колоннады, жертв все же будет меньше, чем в случае взрыва под площадью.

Горы Эльбурс вулканического происхождения. Скалистые и складчатые, зато не такие голые, как Загрос. Кое-где видны деревья, напоминающие украинские пирамидальные тополя. Без листьев и в снегу. Здесь настоящая зима.

А в Риме – дождь. Огромная толпа под дождем. Я еще раз пожалел о том, что гексоген не гигроскопичен.

Утро, шесть часов по средневропейскому. У нас соответственно половина девятого. Камера установлена в Соборе, под балдахином Бернини (помню я это место). Теперь по четырем углам – четыре автоматчика с тротильными поясами, вокруг лестницы в крипту с мощами святого Петра – еще десяток. Держат под прицелом храм. Набит битком. Я вспомнил, что Марк никогда не расстается с пистолетом. Не могли они обыскать такую толпу. Только какой здесь толк от пистолета?

К телекамере выходит одна из шахидок. Вся в черном. На головном платке – каллиграфическая надпись: «Али». Вместо чадры короткая непрозрачная вуаль, закрывающая лицо так, что видны только глаза.

– Я сейчас сделаю то, чего никогда раньше не делала, но пусть те, кто мне близки, узнают меня и подтвердят мои слова для остальных.

И она убрала вуаль. Красива, как может быть красива арабка. Мне не нравится этот тип красоты. Возраст? Думаю, лет тридцать.

– Я Фатима, дочь пророка, да благословит его Аллах и да приветствует. Перед тем, как вознестись в аль-Джанну³³, мой отец предрек явление Даджжала³⁴ и Махди. «Они уже на земле, – сказал он. – Клянусь тем, в чьих руках находится моя душа. Многих соблазнит Дадж-

³³ Аль-Джанна (общесемит. ган «огражденное место, сад») – мусульманский рай.

³⁴ Даджжал – антихрист в исламской традиции, лже-Махди, слуга Иблиса и враг Бога.

жал-обманщик, но молитесь, и вам дано будет различие». И теперь явились они оба: Эммануил – Даджал и Мухаммед Мунтазар – Махди.

За ней, словно охраняя, стоял мужчина. Его лицо было скрыто маской, какие носят грабители и спецназовцы.

Она обернулась к нему.

– Вот Махди. Двенадцатый имам, потомок Али, чье возвращение было предсказано. Он потомок Хусейна, моего сына, и носит то же имя, что и пророк, как и гласят пророчества.

Мужчина снял маску, но под ней не оказалось лица. Телекамеру ослепил свет.

Это продолжалось мгновение.

Снова появилась Фатима.

– «Его свет – точно ниша³⁵; в ней светильник; светильник в стекле; стекло – точно жемчужная звезда»! Свет Аллаха на нем. Свет Аллаха проникает через него в мир, как через распахнутые врата. А потому сражайтесь со сторонниками Эммануила-Даджала. И мы здесь, чтобы сражаться до конца. Он зря надеется запугать нас убийством наших родственников и единоверцев. Все, кто сегодня будет убит Даджалом, тут же окажутся в раю, в тех садах, под которыми текут реки. Они будут возлежать на ложах расшитых, в зеленых шелковых одеждах и «черноокие большеглазые, подобные жемчугу хранимому, которых не коснулся до них ни человек, ни джинн – в воздаяние за то, что они делали». И мальчики вечно юные подадут им чаши, сосуды и кубки из текучего источника, и плоды, из тех, что они выберут, и мясо птиц, из тех, что пожелают. И «не услышат они там пустословия и укоров в грехе, а лишь слова: "Мир, мир!"»³⁶ Пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, завещал не оплакивать мертвых. Сейчас смерть – благо, а война – долг и закон.

Эммануил видел это по телевизору. Он сжал губы так, что они побелели.

– Ах, вот как! Не видеть тебе аль-Джанны, Фатима, «королева женщин»³⁷! Никогда! Где здесь ближайший аэродром? Я лечу в Рим!

– А Дварака?

– Пусть висит.

Я отправился с Эммануилом. Мы кружили на вертолете над площадью. Холодно, промозгло, туман. Виден грязный поток Тибра и серая громада замка Святого Ангела. Заложники сидят прямо на асфальте, несмотря на холод и морось. Три дня не простоишь.

По нам разряжают пару магазинов.

Не достают.

Эммануил берет сотовый.

– Начинайте!

Это сигнал к штурму подземных коммуникаций.

А здесь? Террористы стоят по колоннадам между статуями святых. Я помню, что статуй сто сорок. Судя по расположению, шахидов не менее двухсот. Я с содроганием жду, что вздуется и поднимется асфальт площади, лопнет, как нарыв, и люди полетят в тартарары, превращаясь в кровавое месиво.

– А здесь, Господи?

– Здесь будет казнь, Пьетрос.

Кажется, становится светлее. На площади блестит вода.

Я поднимаю голову.

Небо клубится и разрывается, обнажая рваный лазоревый лоскут. Луч света, как нож, падает на площадь.

³⁵ Коран, сура 24, аят 33(35).

³⁶ См. Коран, сура 55, 56.

³⁷ Эпитет, часто применяемый к старшей дочери Мухаммеда.

Казнь здесь уже была. Я помню. Я уже знаю, что произойдет.

Сверкает молния. Грохот. Смотрю на площадь. Асфальт цел. Зато порядка двухсот людей-факелов пылают на крыше колоннады. Мгновение – и только пепел.

На площади – движение. Люди встают на ноги. Усталые, грязные. Смотрят вверх.

У Эммануила звонит телефон.

– Да, Марк, мы начали. Ничего не... Проклятье!

– Что, Господи?

– По-видимому, аккумулятор. У Марка.

Еще бы! Как только прожил почти трое суток? Хотя конечно Марк – человек экономный, и при этом любит хорошую технику. Если выключать телефон после каждого звонка и не болтать попусту – дотянуть можно.

От храма слышен шум вертолетов. Я оборачиваюсь. На крышу Сан Пьетро сброшен десант. Теперь парашютистов не достанешь с колоннад. Некому доставать. Штурмуют окна по периметру купола и под сводом.

Опять телефон.

Господь кивает.

– Да, хорошо. Разминировали?

...

– Да, конечно. Не торопитесь.

Я вопросительно смотрю на него.

– Нельзя дать гарантию, Пьетрос. Там все забито тротилом.

Мы снижаемся. Зависаем метрах в пяти над площадью. Народ расступается.

Не рано ли? Взрыватели могут быть у тех, кто в храме.

– Спокойно, Пьетрос. Если я не хочу, чтобы что-либо взорвалось – оно не взорвется.

Я вспоминаю Францию. Маконские виноградники с неразорвавшимися бомбами. Но все равно не по себе.

Люди медленно покидают площадь, утекая с нее тремя ручьями на прилежащие улицы. Слишком медленно!

– Может быть позже? Вдруг они ждут только нашего приземления!

Эммануил усмехается. Кивает пилоту.

– Сажай машину!

Приземляемся нормально. Выходим. Эммануил решительно направляется к собору.

Звонит телефон.

– Да! – Господь говорит, не замедляя шага. – Хорошо. Вовремя.

Поднимаемся по лестнице. Входим. Народ расступается перед нами.

Я смотрю вверх. На хорах – спецназовцы. Наши.

Сквозь железную ограду карниза под куполом видны тела людей в черном. Под ним, по золотому фону латинской надписи: «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою и дам тебе ключи Царства Небесного», по словам «Coelorum» и «tu es Petrus» стекает кровь.

Подходим к балюстраде вокруг спуска в крипту с мощами Святого Петра. Под балдахинном Бернини, у центрального алтаря – два трупа: мужчина и женщина, рядом Марк и Мария. Живы.

Поднимаемся к алтарю. На платье у Марии дыры от пуль. Много. Крови нет. Эммануил смотрит на Марку. Спрашивает (почему-то мне кажется, что разочарованно):

– Ты жив?

– Я отдал пистолет Марии.

– И?

– Она поднялась из крипты на виду у всех. По ней стреляли. Она шла. Выстрелила в упор в этих двоих. Успела снять еще четырех моджахедов, пока ее не схватили. Но мы отвлекли внимание. Вовремя. Им было не до взрывчатки.

Господь кивнул, обнял Марию за плечи. Одной рукой. Она склонила ему голову на грудь, но он не сомкнул объятий.

Эммануил смотрел на убитых: Фатиму и двенадцатого имама.

– Снимите с него маску!

Марк опустился на колени. Содрал маску. Под ней оказалась еще одна – зеркальная, или точнее из отполированного до зеркального блеска металла.

– Обманщики, – усмехнулся Господь. – Уловка средневековых самозванных пророков. Ничего нового не придумали. Ну, Марк, снимай и эту.

Маска поддавалась не сразу, но Марк справился с механикой, и нашим взорам предстало обычное человеческое лицо, темнокожее и темноволосое, с крупным носом. Скорее всего, его обладатель был арабом, а не персом.

– Этот меня не интересует, – сказал Эммануил. – Бросьте его с остальными.

Он перевел взгляд на женщину.

– А вот ты моя.

Он отпустил Марию и склонился над Фатимой.

Я не верил глазам: он воскрешал одного из злейших своих врагов.

– Любите врагов ваших, – усмехнулся он.

Фатима открыла глаза.

– Я твой Господь, «королева женщин». Уже три дня как. Ты знаешь.

– Кутиба, – тихо сказала она.

«Так было суждено».

– Где Якоб Заведевски?

– В крипте.

– Три дня прошло, – заметил я.

– Всего то! – улыбнулся Эммануил.

– Мы его принесем? – спросил Марк.

– Я сам спущусь.

Он спускался по лестнице легко и решительно. Мы шли за ним: я, Марк и Мария.

Запах тот еще! Трехдневное пребывание толпы людей, которых не выпускают в туалет, сказалось на местном воздухе не лучшим образом. Сквозь вонь пробивался запах гниющей плоти. Я посмотрел вниз и заметил засохшие капли крови на пестром полу.

Якоб лежал прямо у стены. Даже не в нише. И не покрыт ничем. Куртка в пятнах крови и запекшаяся кровь на светлых, почти белых, волосах.

Я вспомнил Вену. Ночной Дунай, бар «Георгий и дракон», хойригер... Веселый город. Не вязалось.

Эммануил склонился над трупом. Я отвернулся. Мне надоело смотреть на сцены воскрешения: ничем не лучше агоний.

– С возвращением, Якоб! – услышал я голос Господа.

– Здравствуй, Якоб! – сказал я, когда он встал, и тут же отвел взгляд, взглянув в его глаза, полные пламени.

Глава 5

В тот же вечер мы вернулись в Иран. Но не задержались там и суток. Наш путь лежал дальше на запад.

Битвы за Багдад не было. Аиша была нашим пропуском, а Фатима – въездной визой (сторонников шиитов здесь было процентов тридцать).

Дварака приземлилась чуть выше по течению Тигра, и был организован торжественный въезд в Город Мира. Впереди шло войско джинов и шестьдесят даосских сяней. Там же, в войске, наравне со всеми, была Хун-сянь. Вряд ли ей это понравилось, но она никогда не осмеливалась перечить господину. За ними, в белом открытом лимузине медленно ехал Эммануил. Он не взял с собой никого, кроме шофера. Дальше в белом паланкине, на белом верблюде, ехала Аиша. Рядом с нею покачивался на плечах черных слуг черный паланкин Фатимы. А потом уж – все мы. Без выкрутасов. В автомобилях.

Марк переживал, что так он не может как следует «следить за дорогой», но ничего не произошло.

Уже в Багдаде мы встретили Новый Год.

А в середине января была двойная свадьба Эммануила (с двумя невестами). Низкие столы поставили буквой «П» в финиковой роще королевского дворца и накрыли человек на пятьсот. Во главе стола на золотом ковре сидел Эммануил, облаченный в белый балахон (недавно я узнал, что он называется «галабея») и клетчатый головной платок. Вылитый араб! Даже кожа казалась темнее. Меня всегда поражала его способность перевоплощаться.

Недавно он пустил в народ свою родословную, возведенную к Али. Я смотрел на него, и думал, что это не так уж абсурдно.

По правую руку от Эммануила сидела Аиша, а по левую – Фатима. Я даже не очень удивился, что она согласилась на этот брак. Помнил Мисиму. После воскрешения отношение к Господу видимо резко меняется (по крайней мере, если оно оставляло желать лучшего).

Гости тоже сидели на коврах, расстеленных прямо на земле. Неудобств это не причиняло, несмотря на январь. Температура на солнце достигала градусов двадцати пяти, как минимум.

Я оказался рядом с королем Фейсалом. Это был толстый араб, назойливый, болтливый и чрезмерно эмоциональный. Он то и дело хватал меня за руки и все норовил обнять. Впрочем, в остальном это был неплохой мужик. Накануне он водил меня по старому городу, переодевшись из мундира в эту самую галабею и верно представляя себя Харуном аль-Рашидом, вышедшим в народ. Галабея никого не обманывала. Наше появление вызывало бурный восторг местного населения.

Старый город представлял собой лабиринт узких улочек, куда никогда не проникает солнце и не проехать автомобилю. Вонь и грязь. Помои кое-где выливают в окна, как в средневековом Париже. Потом мы вынырнули на «сук», то есть базар, и оглохли от грохота молотков и крика торговцев. Кроме лавок здесь располагались многочисленные мастерские ремесленников. Я вдоволь насмотрелся на персидские ковры, разноцветные платки, золотые и серебряные украшения и тонкую работу местных мастеров по металлу.

– На свадьбе визиря аль-Маамуна на новобрачных высыпали тысячу жемчужин, среди гостей разбрасывали мускусные шарики, в каждом из которых была записка с названием подарка: земля, раб, прекрасный конь, – распространялся король, уплетая традиционного барашка. Ели здесь руками, заворачивая мясо в арабские лепешки, что несколько выбивало из колеи. Столового прибора не подали.

Вина не было. Вода, соки, сладкий зеленый чай.

Этим странности не исчерпывались: мужчины и женщины отмечали свадьбу по отдельности. Сегодня был «мужской день». Как в бане!

И только Эммануил немало не смущался ни сидением на земле, ни отсутствием вилки и ножа, ни «банными» традициями.

К вечеру стало весьма прохладно, но торжества еще не кончились. Зажгли иллюминацию. Многочисленные лампочки и фонарики над столами и между деревьями. Здесь вообще света не жалеют. Вечерний Багдад напоминает новогоднюю елку. Есть в этом что-то родное и милое

сердцу русского человека. Не то, что в Париже, где по большей части вечерних улиц идешь, как по туннелям. Внизу – свет, а чуть повыше – тьма.

Небо темнело. Быстро, как во всех южных городах. Вдруг иллюминация погасла. Начался фейерверк. По крайней мере, минут сорок небо над пальмами цвело огнями так, что не нужно было дополнительного освещения.

Гости начали расходиться.

– Даиман! – говорили на прощанье (Пусть всегда будет так).

– Пусть расставание не будет долгим! – говорил всем Эммануил, как близким друзьям. Был максимально любезен. Многих провожал до выхода, но никому не жал руки.

А потом стало холодно. Температура резко упала почти до нуля. Бывшее место пира напоминало заброшенный бивуак отступившей армии.

К полуночи мы вернулись во дворец.

В конце января мы были в Румском Султанате. Впрочем, султан обладал властью скорее номинальной, а местный парламент особым религиозным фанатизмом не отличался. Население же процентов на девяносто состояло из сторонников партии Аиши. Так что наличие этой последней в составе семьи Эммануила быстро решило дело в нашу пользу, и большой войны не случилось. Так – показное сопротивление для проформы и в надежде что-нибудь выторговать. Это вызвало противоположную реакцию. Эммануил обозлился. Не выторговали ничего.

Дварака зависла над Коньей. Приземляться не стали. Значит, Эммануил не собирался здесь надолго задерживаться.

В городе мне с готовностью показали «текке Мевляны³⁸». «Текке» – это тюркское название ханаки, а Мевляна – мистик и поэт Маулана Джалалуддин Руми. Я нес к нему письмо от его учителя Сана'и.

Был вечер. Прошел дождь, и солнце под темными тучами было ярким и белым, как ядерный взрыв.

Мечеть текке обладала тремя куполами: двумя, напоминавшими шляпки грибов и одним шатровым, бирюзового цвета. Справа от нее возвышался единственный минарет.

Передо мной открыли ворота и пропустили во двор. Здесь был сад с бассейном и фонтаном, а по периметру – кельи дервишей. Впрочем, сад предполагал в основном цветы, и по зиме состоял из пустых клумб.

Мевлана спустился во двор. Руми можно было бы дать лет сорок, если бы я не знал, что ему более семисот. Пожалуй, красив. Правильные черты лица. Чернобород и черноглаз.

Но не в этом дело.

Краса – не очертание сосуда,

А то, что наливают нам оттуда...³⁹

Это была внутренняя красота. Отсвет горней отчизны. Печать солнца. Ее не портила даже нелепая одежда ордена Мевлевийя: красный войлочный колпак, похожий на усеченную морковку, длинная белая рубаха (до щиколоток) и поверх нее – черная хирка. Даже в этом поэт казался изысканным.

– Я прочитаю. Подождете?

– С удовольствием.

Я прождал до захода солнца.

Наконец Руми спустился в сад. Что-то неуловимо изменилось в его облике. Походка другая что ли? Манеры? Трудно понять, когда видишь человека второй раз в жизни. Я взглянул ему в глаза. Решимость. Мрачная решимость. Что он надумал? Не позвонить ли Господу, пока не поздно?

³⁸ Мевляна – тюркское произношение слова «маулана» («наш господин»).

³⁹ Стихи Джалалуддина Руми.

Я подавил этот порыв. Ерунда! Показалось.

Звонить не стал.

А зря.

– Сейчас будет намаз, а потом сама⁴⁰, – сказал Руми, и в его тоне прозвучало приглашение.

Я оценил. Станным показалось только время. Я слышал, что торжественные сама бывают в полдень по пятницам, после соборной молитвы.

– Я могу остаться?

Он кивнул.

– Сегодня ночь бракосочетания с Богом.

Ответил он на мой незаданный вопрос.

Намазов было два. После захода солнца и с наступлением ночи. Как и положено, как и в Афганистане. Я уже не вздрагивал от крика «Аллах акбар!». Я ждал сама, мистического танца дервишей, точнее радения. Мне просто было любопытно.

В бассейне отразились звезды. Стало холодно. Градусов пять выше нуля. Дервиши, человек десять, все в колпаках и хирках, собрались во дворе. И началось действо.

Руми встал в центре, и дервиши трижды прошли мимо него. Было слышно, как они обмениваются приветствиями, но, по-моему, Мевляна говорил каждому что-то еще, очень тихо.

А потом начался танец. Они сбросили черные хирки, и остались в белом: длинные белые рубахи под пояс и поверх них – белые куртки с длинными рукавами. Раскинули руки (правая открытой ладонью вверх, чтобы получить благословение Бога, левая – ладонью вниз, чтобы передать благословение земле) и закружились на одной ноге. Картина в высшей степени странная, они казались неживыми: белые фарфоровые статуэтки в юбках полусолнце. И еще эти их колпаки: усеченный головной убор средневековой дамы. Я сказал бы, что они напоминали фей, танцующих фуэте, если бы они не были здоровыми бороатыми мужиками.

Звон молоточков золотобоев на рынке и шум водяных мельниц когда-то заставлял Руми пускаться в пляс прямо посреди улицы, невзирая на удивленные взгляды прохожих: «Что это тут выделяет уважаемый преподаватель Медресе?» Ему было все рано. Его взгляд был обращен внутрь, как глаз Кухулина⁴¹. Он – тоже герой, воин и жертва мистической любви. Что ему до общественного мнения? Это экстаз.

Они пели славословие пророку. Низко, глубоко, протяжно. Потом вступила флейта. Эта музыка затягивала, несмотря на нелепость происходящего.

Темп вращения увеличивался. Я вспомнил Чайтанью. Все мистические техники похожи. Возможно, это объясняется единством человеческой психологии и ничем больше. Чтобы достичь одинакового результата (экстатического состояния) следует производить одинаковые действия. Но в чем тогда их сила, этих сумасшедших мистиков: Франциска, Терезы Авильской, Чайтаньи, Рамакришны, Руми? Одни из них приняли моего Господа, другие боролись. Но во всех была внутренняя сила: тот, кто боролся – боролся до конца, а тот, кто принимал – принимал не из корысти, а по причине каких-то своих философских заморочек, и принимал всем сердцем.

Я посмотрел на Руми, неподвижно стоящего в центре танца, единственного в черном среди белых одежд учеников, автора поэтического переложения уже набившей мне оскомину притчи о слоне в темноте.

Вдруг он сбросил хирку, раскинул руки и присоединился к танцу. Протяжные гимны сменили короткие песни на персидском, греческом, тюркском.

⁴⁰ Сама – мистический танец дервишей.

⁴¹ Кухулин – ирландский мифологический герой. Когда Кухулин приходил в боевую ярость, один его глаз уходил внутрь головы, а другой выкатывался наружу. См. сагу «Болезнь Кухулина».

Разрушил дом и выскользнул из стен,
Чтоб получить Вселенную взамен,
В моей груди, внутри меня, живет
Вся глубина и весь небесный свод⁴².
Стало теплее. Сначала я снял шарф, потом пальто.
Я увлекся. Хотелось слушать еще и еще.

В стихах появились эротические образы. Это меня не удивило. Характерно для мистики, тем более мусульманской. Когда я читаю у Хайяма:

Запутан мой, извилист путь, как волосы твои,
я понимаю, что волосы возлюбленной – символ завесы, скрывающей от человека Бога,
а извилистый путь – путь к нему.

Но здесь Хайям не в большом почете. Руми считается гораздо круче. И с эротикой обычно куда откровеннее. Что там католическим святым с их видениями, в которых они сосут молоко из груди Мадонны! А, как вам Аллах, являющийся в виде прекрасного безбородого юноши?

Дервиши кружились с бешеной скоростью. Я уже не видел людей. Сплошной вихрь белых одежд.

Эта земля не прах, она – сосуд, полный крови, крови влюбленных...⁴³

Вдруг один из дервишей упал, как подкошенный. Его вынесли за пределы круга, положили на землю и, как ни в чем не бывало, продолжили танец. Потом я узнал, что это был сын Руми – Султан Велед.

Убейте меня, о, мои верные друзья,
Ибо в том, чтобы быть убитым, – моя жизнь...⁴⁴

Упал еще один дервиш. Его имя я тоже узнал впоследствии: Хусамуддин, любимый ученик.

Танец возобновился. Стало совсем жарко. Я вытер пот тыльной стороной кисти, плюнул на приличия и стянул свитер. Над минаретом взошел тонкий серп луны.

Сделай гору из черепов, сделай океан из нашей крови...⁴⁵

И тогда упал Руми.

Танец сразу прекратился. Дервиши пали на колени и стали читать суры Корана.

Хвала Аллаху, господу миров милостивому⁴⁶, милосердному, царю в день суда!

Тебе мы поклоняемся и Тебя просим помочь! Веди нас по дороге прямой...

Послышался отдаленный гул. Над нами, очень низко, закрывая звезды и лунный серп, летела Дварака.

Очень быстро!

Падала!

Я не увидел, чем кончилось падение. Летающий остров скрылся из виду.

Дервиши поднялись на ноги. Кроме тех, кто упал во время танца. Они так и лежали на земле. Наконец, дервиши вспомнили о своих товарищах. Склонились над ними, опустили рядом, кто-то пошел к кельям (я решил, что за помощью).

Я подошел к остальным.

– Что с ними случилось?

⁴² Стихи Джалалуддина Руми.

⁴³ Стихи Джалалуддина Руми.

⁴⁴ Стихи Халладжа.

⁴⁵ Стихи Джалалуддина Руми.

⁴⁶ См. Коран, сура «Фатиха» («открывающая»), первая сура Корана.

– Они мертвы.

Когда я вышел из текке, меня обжег холод январской ночи.

Похороны Руми вместе с его учеником и сыном состоялись на следующий день при большом стечении народа.

В тот день, когда умру, вы не заламывайте руки.

Не плачьте, не твердите о разлуке!

То не разлуки, а свиданья день.

Светило закатилось, но взойдет.

Зерно упало в землю – прорастет!⁴⁷ -

пели дервиши.

К полудню я был на Двараке и рассказывал Эммануилу о том, что случилось в текке.

– Не тебе со мной тягаться, Мевляна Руми, – усмехался Господь. – Не многого ты добился своей смертью. Твоя жертва бесплодна.

Дварака была цела, правда приземлилась на плато в окрестностях Коньи.

– Мы поднимемся после похорон, – сказал он. – Нечего нам здесь больше делать.

Глава 6

Перед нами было три пути: На северо-запад, в Ромейскую республику, на юг – в Иерусалим и на юго-юго-восток – в Аравийское королевство. Последний был самым сомнительным. В Аравийском королевстве у власти была так называемая Саудийская династия, поддерживаемая сектой единобожников (Мувахиддун).

Я плохо понимал, откуда взялась в исламе, где и так главный постулат единобожие, а худший грех – ширк (многобожие), такая секта. Однако же взялась. И напоминала по идеологии уже известный нам Муридан. Впрочем, разбогатев и откормившись на нефти, местные традиционалисты несколько подобрали, но все равно, по крайней мере, на словах, Эммануила признавать не желали.

А еще было пророчество, что Даджал не сможет проникнуть в Мекку, не пустят его горы. Я бы посоветовал Господу не проверять, если бы решился давать ему советы.

Эммануил выбрал Мекку.

На пути туда лежал Дамасский эмират. Очередная конституционная монархия. В эмират с запада вклинивалось Графство Эдесское – одна из провинций Княжества Антиохийского. Но последнее Эммануил решил оставить на потом. Рыцари иоанниты, заправлявшие в Антиохии, были на присяге в Риме, но Эммануил сомневался в их искренности, очень уж они не любили сдавать крепости без боя. А если начнется война с Княжеством Антиохийским, обязательно вмешается Ромейская республика, поскольку оба государства входят в Средиземноморский Христианский Союз. Хотя, может быть, и не вмешается (самоубийц не так много). Но Константинополь – все равно отдельное развлечение.

– Он от нас никуда не денется, – сказал Эммануил.

И мы отправились на юг, в Дамаск.

В Дамаске жил мистик и философ Ибн-ал-Араби, Величайший шейх, столь почитаемый Сана'и. Я подумал, не стоит ли обогнуть Дамаск? Вдруг шейху вздумается умереть?

– Я сам с ним встречусь, – сказал Эммануил.

В начале февраля Дварака зависла над минаретами Дамаска. Внизу блистала излучинами река Аль-Барада (Холодная), дающая жизнь оазису Гута, в котором расположен Дамаск. Бело-золотой город в кольце из зелени. А дальше – оранжевые горы. Все же пустыня. А там

⁴⁷ Стихи Джалалуддина Руми.

внизу, в городе: изящные верхушки пальм, плоские вершины кедров, кипарисовые аллеи. Кое-где белые коробки современных зданий, а непосредственно под нами – Мечеть Омейядов (она же Большая Мечеть Дамаска). Когда-то на ее месте стояла церковь Иоанна Крестителя, а еще раньше – храм Юпитера Дамасского, а до него – храм арамейского бога Хаддада. В центре мечети – большой внутренний двор, называемый Майданом, окруженный колоннадами с арками, там же – вход в Мечеть. Три минарета по периметру. Два четырехугольных и один восьмигранный.

В 1400 году Тамерлан, захватив Дамаск, согнал сюда тридцать тысяч жителей и сжег вместе с мечетью. Она была вновь отстроена в пятнадцатом веке.

А после подавления мятежа в Исфахане по приказу Хромого Тимура было убито семьдесят тысяч жителей и построена пирамида из отрубленных голов.

Я подумал, что мой Господь лучше многих земных завоевателей. Да, конечно, его путь не бескровен. Невозможно завоевать полмира, не запачкав рук. Но он, по крайней мере, не склонен к регулярным массовым убийствам. И не строит башен из черепов.

Было раннее утро. Солнце еще не взошло. Только светлело небо. Эммануил вызвал нас к себе: всех апостолов, что были на Двараке. Он был одет в шафранные одежды, как индийский аскет, правда, смотрелся гораздо лучше.

С чего бы это?

– Есть такое мусульманское пророчество: Иса должен в Судный День спуститься на один из минаретов Мечети Омейядов, опираясь на крылья двух ангелов, – Господь улыбнулся. – Ангелов обеспечить не могу, Судный День пока подождет, но в Дамаск мы спустимся. Пойдемте!

Мы вышли на крышу Дома собраний. Подошли к балюстраде. Эммануил поднял руку.

Часть ограды исчезла. Метра два. И возник свет. Золотой светящийся цилиндр толщиной в руку засиял у наших ног и начал разворачиваться, как ковер. Перед нами лежала дорога, сияя миллионами золотых искр.

Встало солнце. Послышался призыв муэдзина. Мы спустились прямо к нему, на минарет Иисуса Христа.

Мусульманские пророчества отличаются редкой доскональностью. По описаниям Даджжала можно фоторобот составлять. Лицом красен, кучеряв и крив на один глаз. А на лбу написаны буквы «каф», «фа» и «ра», то есть «кафир», неверный. Господь любил это цитировать. Он не был ни краснолиц, ни кудряв, ни крив, а на лбу у него ровным счетом ничего не было написано. Махди (у тех, кто считал, что Иса и Махди разные люди) тоже был описан весьма подробно и должен был во всем походить на пророка Мухаммада. Не узнают они ни Даджжала, ни Махди!

Эммануил вступил на балкон минарета, Иоанн и Матвей прыгнули вниз и помогли ему спуститься: вот и два ангела. Мы с Марком спустились следом. Шествие замыкал Филипп.

Муэдзин попятился, прижался к стене минарета и обалдело смотрел на нас.

Эммануил улыбнулся, и с его волос посыпались жемчужины, точнее капли воды, превращающиеся в жемчуг уже в полете. Его волосы не были мокрыми.

– Не бойтесь! Мир вам! Я тот, чье возвращение было предсказано. Это мои хавар (апостолы). Мы можем спуститься вниз и принять участие в молитве вместе с правоверными?

Муэдзин кивнул. Он знал пророчества.

Внутри мечеть напоминала старинные римские храмы, уже надоевший константиновский стиль. Правда, и арабы руку приложили. Планировка другая: широкий зал вместо вытянутого прямоугольника.

Ряды колонн с позолоченными коринфскими капителями, доставшиеся в наследство от христианской церкви. И в стороне – часовня с захоронением головы Иоанна Крестителя. Мозаики по стенам явно созданные византийскими мастерами. Правда, тематика местная: река Аль-

Барада, деревни Гуты, Мекка и Дамаск. Огромные зеленые дубравы, голубые сверкающие реки, белые башни и дворцы. Мерцание мрамора, золота и смальты.

Я первый раз был внутри мечети. Шли босиком, без обуви. Перед входом даже совершили ритуальное омовение. Я не знал, как правильно его делать, но во всем подражал Эммануилу, и все прошло без эксцессов. Господь вел себя так, словно всю жизнь был мусульманином.

Жемчуг сыпался с его волос. На нас смотрели так ошарашено, что даже не подбирали. Намаз, называемый здесь саятом, явно задерживался. Уж совсем не по правилам! Не бывает такого.

Наконец к нам подошел мулла и, заикаясь, попросил Эммануила руководить молитвой. Господь отказался.

– Имамат уже объявлен⁴⁸.

Пока все шло, как по писанному (в пророчествах). Правда, в некоторых версиях этой молитвой должен был руководить Махди, а Иса стоять за его спиной, признавая превосходство ислама.

– Постою для пользы дела, – шепнул Эммануил. – Но первый и последний раз.

Наконец прогремело «Аллах Акбар!» Мы тщательно повторяли все за Эммануилом: все поклоны, молитвы и воздевания рук.

После саята вышли из мечети и пошли по городу. Видимо слух о нас уже разнесся (или по радио объявили). Нас встречала толпа. Движение перекрыли.

Жемчужины срывались с его волос, падали и подпрыгивали на асфальте. Здесь народ был менее религиозен и жемчуг подбирали (а может за тем и явились).

Мы шли по современному проспекту, правда, не такому широкому, как в Европе. Народ тоже был весьма европеизирован. Я не увидел ни одной женщины в чадре. Зато все в платках. Мужчины часто в европейских костюмах. Но восторга толпы это не уменьшало. Верно, европейское влияние глубже костюма не проникало.

Было пыльно и жарко.

Мы направлялись в тихую часть города. Появились кедры и кипарисы. Тень, тишина. Современные дома сменили ровные стены без всяких украшений, только вход. Здесь, в одном из старинных домов и жил Величайший шейх Ибн-ал-Араби.

Мы остановились у стены, сложенной из желтого камня, кое-где с вкраплениями черного. Смотрелось красиво. Почти как орнамент.

Нас пустили во внутренний двор, напоминающий сцены из «Тысячи и одной ночи». Мозаичные панно с каллиграфическими надписями на арабском, фонтан в центре, тенистые деревья. Величайший шейх беден не был. Автор нескольких сотен произведений, и, по крайней мере, одно из них «Геммы премудростей» в исламском мире знал каждый сколько-нибудь образованный человек. Слава на некотором уровне вполне конвертируется в твердую валюту (ну, по крайней мере, в динары).

Эммануил прошел в дом один. Мы остались ждать.

Здесь же толпилось несколько муридов Величайшего шейха. Мы завели разговор, который с их стороны сводился в основном к восхвалению учителя. Кого он излечил, кого утешил, кому помог разбогатеть. Последнее было неожиданно для христианского слуха. Чтобы святой потакал богатству?

Принесли чай и сладости. Слишком сладкие. Близился полдень. Гостей не забыли. Подали еду. Слишком жирную.

Из муридов к этому времени остался один. Его звали Идрис Султан и был он из Египта. Суфий конечно.

– А вы знаете, что рыцари храма не имеют никакого отношения к Храму Соломона?

⁴⁸ «Имамат объявлен» – то есть уже назначен тот, кто будет руководить молитвой.

- Как это?
- Все их церкви построены в подражание не Храму Соломона, а Куполу Скалы⁴⁹.
- Они другого не видели. Храм Соломона давно уже был разрушен.
- Более того, суфийского учителя Ма'руфа Кархи называли «сыном Давида», как библейского Соломона, потому что он был учеником суфийского учителя Дауда-ат-Гаи. Именно к суфиям и восходит традиция тамплиеров.
- Хм...
- Благодаря суфийскому влиянию возник Францисканский орден. Франциск начинал свои проповеди с приветствия «Да будет мир божий с вами!» – это явно арабское приветствие.
- Ага! «Рах vobiscum» – тоже арабское приветствие.
- Что вы сказали?
- «Мир вам» по латыни.
- Вот! Вот видите! И здесь арабское влияние.
- Более того, чтобы выбрать верное направление Франциск заставил своего ученика брата Массео вращаться вокруг своей оси. Явное влияние Ордена Мевлеви!
- Угу! Еще детская игра есть такая. Очень распространена в Европе. Тоже влияние дервишей?
- Да! Вот видите.

Это было забавно, но начинало надоедать. Я знаю, что Россия – родина слонов. Суфизм, похоже, тоже претендовал на всеобщее отцовство. В следующий момент он заявит, что рыцари круглого стола находились под влиянием суфизма, а Артур и Аттар – одно и то же лицо. Да, конечно. Алгебра, алмихия, Альдебаран, Альтаир. Артикуль «аль» с головой выдает происхождение. Но остальное!

– Одного из суфийских учителей Зу-н-Нуна Мисри называли Королем или Владыкой Рыбы. Помните короля-рыболова из «Смерти Артура»⁵⁰, у которого хранился Грааль?

Поругаться мы не успели, потому что на пороге наконец появился Эммануил, который обнимал за плечи араба со взглядом бессмертного. Оба казались усталыми, более того измотанными. Я понял, что араб и есть Величайший шейх. Господь победил, но ему дорого обошлась эта победа.

Глава 7

Эр-Рияд мы завоевали без проблем. Нынешние короли были куда менее фанатичны, чем их предки, князя Дерайи⁵¹, бросившиеся завоевывать мир под знаменем нового (и единственно верного) учения единобожников или салафитов (чистых). Последний термин напомнил мне о катарах, но эти были куда агрессивнее и в свое время дошли до Ефрата. Но там не задержались. Официальный ислам объявил их еретиками, и на этот счет была отдельная фетва.

К исламу Мувахиддун относились примерно также как пуританские секты к католицизму. Признавали только Коран и раннюю сунну. Учения богословов и мазхабы отрицали, хотя на деле находились под влиянием самого буквалистского, ханбалитского мазхаба. Понятно. Если в Библии сказано, что небо – твердь, значит твердь, и нечего здесь думать. И звездочки к нему прибиты, а поверх хрустального купола – вечные воды (потому и голубое), а внизу – плоская земля.

⁴⁹ Купол Скалы – мечеть, построенная на месте Иерусалимского храма.

⁵⁰ «Смерть Артура» – произведение Томаса Мелори, посвященное приключениям Рыцарей Круглого Стола и поискам Грааля.

⁵¹ Дерайя – княжество в Центральном Неджде, откуда в 1745 году эмир Мухаммед ибн-Сауд, начал объединение Аравии под знаменем ваххабизма.

Салафиты сходили с ума несколько по-своему, поскольку буквально толковали не Библию, а Коран. И если в Коране сказано, что Бог сидит на престоле – значит, есть престол и есть, чем сидеть. Я по ассоциации вспомнил фреску Микеланджело в Сикстинской капелле, на которой Бог-отец повернут к публике как раз тем местом, которым следует сидеть на престоле.

Но это детали. Я понял, с кем мы имеем дело.

А еще с отцом-основателем движения случился один конфуз – а именно, он умер. Конечно, последователи утверждали, что его отравили враги. Но все равно как-то несолидно для святого умереть во цвете лет. Традиционные мусульмане его святости не признавали. И на этот счет тоже существовала фетва: «О том, можно ли считать Мухаммада абд-аль-Ваххаба⁵² вали⁵³?» Ответ был однозначным: нельзя.

Слава Богу, нынешние короли Аравии заботились более о ценах на нефть, чем о религиозных истинах. А потомков основателя секты Абд-аль-Ваххаба можно было не принимать в расчет, поскольку они давно утратили власть, даже духовную. Короли стали и имамами, и улемами⁵⁴, и кади⁵⁵.

Эммануил обещал за нефть все-таки что-то заплатить, и даже вложить деньги в разработку новых месторождений – и это решило дело.

Мы отправились на юг в Счастливую Аравию, и победно прошли по эмиратам до Катара и Бахрейна.

Тогда и раздался первый звоночек. Стало известно, что салафиты, отказавшиеся подчиниться воле короля, собираются в Неджде, найдя приют у одного из бедуинских племен, и туда же стекаются все мусульмане, недовольные властью Эммануила, со всего исламского региона.

Впрочем, стекаться было проблематично. Плоскогорье Неджд со всех сторон окружено песками Нефуда – остров посреди пустыни. Много не соберется. Однако Эммануил погрузил армию на Двараку и перелетел в Неджд. Плоскогорье было захвачено за две недели. Однако это не очень обнадеживало. Судя по всему, часть бедуинов просто оставили его и ушли в пустыню. Эммануил не стал преследовать беглецов. Он торопился. Впереди лежала Мекка. Мы приближались к горам Хиджаза.

Горы пропустили.

Месяц паломничества давно закончился, и в Мекке было относительно безлюдно. Запретная мечеть⁵⁶ снаружи напоминала вокзал. Точнее три средних европейских вокзала, поставленных в ряд.

Внутри же походила на стадион. Даже молитвенные коврики выложены по кругу, как трибуны. Вокруг трехъярусные колоннады. Под арками – свет. Как сотни лампад.

Колизей! Только не полуразрушенный, а целехонький и ухоженный, с блестящим мраморным полом, выложенным крупными белыми плитами. В центре – черная Кааба, храм в храме. Золотая арабская вязь по черному покрывалу.

Мы шли по белому мрамору, между рядами красных ковриков, не обращая внимания на косые взгляды немногих посетителей. Эммануил подошел к Каабе и коснулся черного камня.

⁵² Мухаммад ибн абд-аль-Ваххаб (1703-1787) – основатель ваххабизма, пуританского течения в суннитском исламе, призывающего к возвращению к чистоте первоначального ислама. Одно из самоназваний ваххабитов – салафиты (чистые). Другое – мувахиддун (единобожники). Абд-аль-Ваххаб призывал к строжайшему соблюдению таухида (догмата о единобожии), отвергал поклонение могилам Пророка и святых, суфизм, празднование Дня рождения Пророка, молитвы Пророку и праведным халифам. Мусульман, несогласных с его воззрениями, Ибн абд-аль-Ваххаб объявлял "неверными", наряду со всеми, кто исповедует другую веру. "Ваххабиты" – не название течения, а скорее ругательство, применяемое в его адрес ортодоксальными мусульманами.

⁵³ Вали («находящийся под особым покровительством [Аллаха], друг») – святой в исламе.

⁵⁴ Улем – мусульманский богослов-законовед.

⁵⁵ Кади (араб. судья) – судья, решающий религиозно-правовые вопросы членов мусульманской общины.

⁵⁶ Запретная мечеть (Аль-Харрам) – главная мечеть Мекки, в которой находится Кааба. Запретна для немусульман (как и вся территория Мекки и Медины).

Был свет, вспышка света. Ее видели все, кто был в мечети. Камень стал белым, тем самым райским яхонтом, которым, как говорят легенды, и был вначале, почернев позже от людских грехов.

Мы еще успели посетить Медину. Эммануил постоял у могилы Мухаммада. Все же он умер, и был похоронен. «Взят на небо» – поэтическое преувеличение. А рядом было приготовлено место для захоронения Исы.

– Не каждый, проходя двором,
О гроб споткнется свой, -
процитировал Эммануил поэму Рэдингской тюрьмы.

Я снова сомневался. В исламском мире Эммануил вел себя слишком прилично для Анти-христа. Или я попривык? А что собственно он мне такое сказал? Что не давал откровения Мухаммаду? Так, может быть, это ложное откровение?

Мы полностью захватили Хиджаз в начале марта.
И тогда началось.

Здесь вообще местность вулканическая: черные лавовые горы – лябы, лавовые поля. Но почти тысячу лет не было ни одного извержения.

Это был наш третий день в Медине, точнее возле Медины, куда приземлилась Дварака.

Вначале я услышал гул. Встал. Очень рано. За окном чуть-чуть светлело небо. Пол подрагивал, словно в конвульсиях. Дварака поднималась, но не плавно, как обычно, а рывками. Потом я увидел дым. Черный дым маячил между деревьями. Пожар? Слишком круто для обычного пожара.

Я оделся. Позвонил Марку. В кои-то веки я его разбудил, а не он меня!

– Пойдем, что-то происходит.

Раздался взрыв. Потом еще. С интервалом минут пять, не больше. И появилось еще два дыма. Дварака поднималась все быстрее.

Мы с Марком вылезли на крышу дворца и увидели горы в потоках лавы. Несколько кратеров: на вершине и по склонам. Раскаленные реки шли на город.

Оба мединских вулкана проснулись одновременно. А потом полетел пепел.

Мы были уже высоко. Более тяжелые, раскаленные камни сюда не долетали, но пепел кружился в воздухе и закрывал солнце. Оно поблекло и стало красным. Пепел ложился на белые стены дворцов, скапливался на карнизах и балюстрадах, покрывал белый мрамор улиц. Воздух был полон пепла.

Дварака поднялась еще выше, и под нами зависли черные облака, закрывая город. А с Двараки, как золотые лучи, вырвались четыре дороги, прорезали черные облака и пробили в них туннели, как в скалах, и коснулись земли. Эммануил послал Марию, Филиппа, Матвея и Иоанна к началу этих дорог. Они должны были принять присягу у тех, кто поднимается.

Мы их увидели, толпы, идущие в полупрозрачных золотых туннелях, узких, не более двух метров в диаметре. Люди ступали на летающий остров, только принесся присягу Эммануилу. Те, кто отказывался, падали в пропасть. Я подумал, что можно было бы спасти и всех, без всяких условий.

– Тонкий мост Сират, ведущий в рай над огненной пропастью, не толще волоса, и проходят по нему только праведники, Пьетрос.

Лицо Эммануила было вдохновенным. Он улыбался. «Как Нерон во время пожара Рима», – невольно подумал я.

От Двараки отделился еще один золотой туннель. И потянулся на юг почти параллельно земле. И только у горизонта начал загибаться вниз.

«Мекка!» – понял я. Там то же самое.

Пылал весь Хиджаз. Сумасшедшие журналисты успели снять хронику, прежде чем ступить в золотой туннель.

Я видел, как пылающие реки обходят запретную мечеть, сжигая все на своем пути. Все остальное.

Нам нечего было делать над пылающей землей. Мы покидали Хиджаз, успев спасти тех, кто сам пожелал спастись.

Тем более что у нас была проблема. Последователи Абд-аль-Ваххаба и прочие недовольные собрались в пустыне Нефуд, на землях племени хахтан. И кочевали вместе с племенем. По слухам, за месяц здесь собралось более ста тысяч человек.

– Ерунда! – сказал Эммануил. – Пустыня столько не прокормит, несмотря на раби.

«Раби» – это время после дождя. Пустыня расцветает. Нашим врагам везло.

И пустыня цвела. Надолго ли? Я вспомнил рубаи Хайяма:

О, Кравчий, цветы, что в долине пестрели,

От знойных лучей за неделю сгорели,

Пить будем, фиалки весенние рвать,

Пока не осыпались и не истлели.

Странный рельеф пустыни, «словно утоптанной копытами гигантских лошадей». Зеленые следы от подков. Яркая весенняя зелень.

У салафитов были к нам следующие претензии, которые они распространили в качестве воззвания к своим сторонникам:

1. В хадисах сказано, что Махди и Иса – два разных человека, те же, кто полагает, что это не так – не правы, и им надлежит покаяться.

(Надо сказать, что эти ребята признавали только те хадисы, которые им нравились.)

2. Мать Махди должны звать «Амина», как мать пророка, а его самого «Мухаммад», как и пророка.

(«У меня есть второе имя «Кир Глорис» – Господь Славы, – сказал Эммануил. – "Мухаммад" по-арабски значит "прославленный"»).

3. Махди должен во всем походить на Мухаммада, включая внешнее сходство.

(Насколько мне известно, достоверных изображений не сохранилось.)

4. Махди должен явиться раньше Исы. Спустившись с небес, Иса должен встать позади Махди и молиться под его руководством, признавая превосходство Ислама и то, что его писание «Инджил⁵⁷» было искажено, а Коран является единственным истинным писанием.

(В мечети Омейядов Эммануил помолился. Правда, Махди там не было... Эльбурсовского Махди (Мухаммада Мунтазара) салафиты тоже не признавали и считали все учение о двенадцатом имаме дурным нововведением (бида)).

5. Махди должен установить господство Ислама на всей земле и уничтожить идолов.

(Понятно, а он даже синтоистов не пожег!)

6. Махди должен запретить и уничтожить суфизм, поскольку это бида и ширк.

(Ага! А он с Ибн-Араби обнимался!)

7. Махди должен установить на всей земле господство истинного ислама Мувахиддун (салафитов), остальные направления признав ширком, достойным времен джахилийи⁵⁸. Он должен уничтожить всех многобожников (в том числе называющих себя мусульманами) приказав побить их камнями, как отступников или отрубив головы.

8. А потому Эммануилу-Даджжалу, кафиру, осквернившему Запретную Мечеть Мекки – джихад!

(Первый раз, что ли!)

На все это у Эммануила был один, зато очень весомый (многотонный) аргумент – Два-рака. Они не долго бегали от нас по пустыне (по пустыне не побегаешь). Мы их нашли.

⁵⁷ Инджиль – Евангелие.

⁵⁸ Джахилийя (араб. «невежество, неведение») – доисламский период истории арабов.

И Дварака зависла над бесконечными шатрами бедуинов.

Здесь, на стоянке, пустыня постепенно возвращалась в свое естественное безжизненное состояние. И только дальше, там, где кончались палатки – цвели холмы.

Мы с Марком иронизировали по поводу шахидов, которые бегают от джихада, но Эммануил не разделял нашей веселости.

– Партизанская война гораздо опаснее обычной. Они понимают, что не выдержат открытого столкновения. Тротил под домами и площадями, бомбы в автобусах и метро и по шахиду на каждый супермаркет. Тебе это понравится, Пьетрос?

Ответ был очевиден.

– А значит, они либо будут со мной, либо их не будет. Мне не нужно второй Площади Святого Петра.

Эммануил послал вниз посольство с ультиматумом. Ультиматум был круче, чем в случае Муридана. Мой Господь обещал, что, если салафиты в течение трех суток не сложат оружие – умрут все, кого накроет тень Двараки.

Послами он избрал меня и Марка.

Мы шли между шатров. Лениво жевали жвачку одnogорбые верблюды, сверкали из-под паранджей глаза арабов, носились на конях худошавые бедуины.

Дул саба – благодатный восточный ветер, принося запахи цветов из ожившей пустыни.

Переговоры происходили в палатке шейха племени, которая отличалась от прочих наличием спутниковой антенны наверху, воткнутого копия у входа и телевизора внутри. Кроме шейха присутствовали главы кланов и представители салафитов. Последних можно было отличить сразу. Камуфляж вместо шерстяной рубахи и плаща бедуинов, блеск в глазах и показная воинственность.

Думаю, последние и нашептали шейху его ответ на ультиматум.

– Вы останетесь с нами, и Даджжал не обрушит на нас летающий остров.

– Вы думаете, что мы для него так важны?

– Иншаллах⁵⁹! – сказал шейх.

– Помните, одно из имен Махди Ка'им (воскреситель)? Эммануил воскресит нас, если мы умрем. Вас – вряд ли.

– Кутиба.

То есть «судьба такой».

Я вздохнул. О чем еще говорить с фаталистами?

Обращались с нами сносно, кормили в основном финиками. Я вспомнил Синай. Не так уж далеко отсюда, учитывая сколько мы прошли за последний год. Поили молоком верблюдиц (за отсутствием воды). Еще была таинственного вида жидкая каша под названием «фасс» и трюфеля. Бедуины ели тоже самое. Мне было жаль их. Не салафитов конечно, а простых кочевников.

Я не сомневался, что Эммануил выполнит свое обещание, и бедуинов не спасет наше присутствие. Я даже обрадовался. Это перестанет надо мной висеть: смерть и воскресение. Все случится помимо моей воли. Сможет ли Эммануил воскресить тех, чьи тела впечатаны в землю под многотонным прессом Двараки? Не знаю. Мне казалось, что да.

Телевизор имелся только в палатке шейха (почто обременять любимого джамала (верблюда)!), зато радиоприемники были весьма распространены. По радио мы и слышали сообщение.

Эммануил повторил ультиматум и уточнил, что наличие его людей в лагере бедуинов не имеет никакого значения.

⁵⁹ Иншаллах – «если Богу будет угодно!»

Наступил вечер. Солнце садилось над пустыней, красное, как ее пески. Ветер шевелил траву. В пределах лагеря мы пользовались некоторой свободой – впрочем, довольно призрачной, учитывая поголовную вооруженность бедуинов.

Я помню все до мельчайших подробностей: стариков, курящих возле шатров, играющих в пыли детей, хлопотливых женщин с закрытыми лицами, молодых бедуинов на конях, помчавшихся в пустыню. Вон облако пыли! Развлечение. Джигитовка.

– Резвятся, – мрачно сказал Марк. – А Господь не шутит.

Я помню, как солнце коснулось горизонта...

И тогда замерло облако пыли и начало оседать.

Я оглянулся:

– Что случилось?

И увидел старика, упавшего на бок рядом со своим кальяном и замерших в пыли смуглых детей, женщин, лежащих на земле, словно уснувших. И ни звука. Полная тишина.

Марк стоял рядом и курил. Точнее держал сигарету. Огонь дошел до пальцев. Марк выругался.

– То, что должно было случиться, – наконец сказал он.

В лагере не осталось никого живого, вплоть до верблюдов и лошадей, павших рядом со своими хозяевами. Только я и Марк.

Мы вышли в пустыню. Ничего не изменилось. Зеленая трава. Слабый ветер. Солнце не успело закатиться. Может быть, поэтому такой красной казалась земля.

Впереди, метрах в двадцати перед нами, мы увидели еще одного человека. Живого. Он стоял лицом к нам, бедуин в зеленых одеждах. Хотя, возможно, дервиш. Высокий колпак обернут зеленой чалмой. Откуда здесь дервиш? Откуда здесь вообще живой человек?

Он повернулся и махнул нам рукой, приглашая следовать за ним. И зашагал в пустыню все дальше от шатров.

Мы пошли. То ли от перенесенного шока, то ли из банального любопытства.

Солнце село. Стало холодно. Лагерь бедуинов скрылся за холмом, а наш молчаливый проводник все шел вперед. Мы побежали. Он стал двигаться быстрее, казалось, не ускоряя шага. Расстояние не сокращалось.

Нас нашли под утро люди Господа. Нашли почти на краю фульджи, воронкообразной пропасти в песках. На краю обрыва. Еще два шага, и Эммануилу точно бы пришлось нас воскрешать. Мы направлялись прямо туда, не замечая ничего вокруг. По их словам, рядом с нами никого не было. Но зеленый дервиш не мог быть миражом. Ночью миражей не бывает.

Потом один из моих знакомых мусульман предположил, что мы видели Хидра, легендарного святого ислама, помогающего путешественникам в пустыне, выводящего на прямой путь. Ничего себе помощь!

Я видел сон. Я бегу из Рима, из Ватиканских дворцов. Я понял, что это Рим, потому что действие началось в зале географических карт. Только на всех панно была одинаковая карта. Не провинции Италии, а карта мира, закрашенная ровным черным цветом. Только моря и океаны сохраняли исконную синеву. Ни границ, ни рельефа – одни очертания материков.

Я бегу полутемными сырыми туннелями и понимаю, что это подземные коммуникации под площадью Святого Петра. Потом вдруг оказываюсь в пустыне. Красное солнце висит над красным песком. Песок загорается. Сплошное пламя.

Все исчезает, и я обнаруживаю себя в комнате. Обычная комната, скорее кабинет. С письменным столом и креслами. Три окна, вроде эркера. И за всеми окнами пламя. Я не знаю, что горит. Воздух? Но пламя, как от костра, словно дом стоит в его центре.

И незнакомый голос:

– Он назовет воду пламенем, и пламя водою. Поэтому те, кто хочет спастись должны броситься в пламя, потому что это чистая и свежая вода.

Оборачиваюсь.

На стол опирается Эммануил (это был не его голос!). Он зажигает сигарету, вдыхает дым, тушит ее в пепельнице. Это кажется естественным. Я даже не удивляюсь. Только потом, проснувшись, вспоминаю, что мой Господь не курит.

– Ты хочешь броситься в пламя, Пьетрос? Оставь! Для тебя это пламя и только пламя. Ты жив, пока ты со мной.

Я касаюсь стекла рукой. Оно холодное. Пламя исчезает, словно падает в пропасть, и я просыпаюсь.

Часть вторая

*Выкинь на свалку свою мораль
И сердце ожесточи,
Сегодня удачлив подлец да враль -
У них от рая ключи.
Лишь тот, кто жесток, не оставит стен
И крепостей не сдаст,
Иглою и бритвой не тронет вен
И не покинет нас.
Ему, господину, и карты в масть,
И под ноги города,
И знамя над замком, и в руки власть
Под робкое «да» суда.
И головы мертвых – престол Его,
Он – царь, он – палач, он – Бог,
И лавром увито Его чело,
Мы – прах у Его сапог.*

Глава 1

Дварака плыла на север. Я думал, что мы, наконец, войдем в Иерусалим, но Эммануил миновал его и направился к границам Антиохийского Княжества.

Я был рад вновь вернуться в христианский ареал, где не надо разбираться в тонкостях различий между мазхабами, запоминать воплощения то ли Кришны, то ли Вишну и забивать мозги головоломными коанами. Я возвращался домой, на свою духовную родину.

Но дом встретил меня пожаром.

Все начиналось спокойно. Среди властей Княжества, как обычно, не нашлось самоубийц – нам предложили переговоры.

Сад Великого Магистра террасами спускался к реке Оронт. Розы. Фонтаны из белого мрамора. Тень кедров и финиковых пальм. Статуи Великих Магистров от первого, брата Жерара де Торна, до предпоследнего Анджело ди Колонья.

Последний стоял передо мной. Черные цепкие глаза, черный плащ с белым крестом поверх черной полумонашеской одежды. Он напомнил мне Лойолу, но казался аристократичнее.

Великий Магистр Антуан де Берти, это он предложил переговоры. Дварака висела над Антиохией. Точнее прямо над нами. В качестве посла Эммануил, конечно, отправил меня.

Я не возражал. Мне был интересен этот орден, когда-то столь связанный с Россией. Все русские императоры вплоть до Великой Февральской Демократической Революции носили титул бальи⁶⁰ Большого Креста, а при Павле Первом, чрезмерно увлеченном госпитальерами, крест святого Иоанна Иерусалимского украшал герб Российской Империи.

– Да, Ваше Преимущество?

– Я сдам Княжество, мсье Болотов, – каждое слово давалось ему с трудом. – Мы не будем сопротивляться.

Я кивнул. Это не было неожиданностью.

⁶⁰ Бальи – наследственный титул в ордене госпитальеров.

– Девяносто рыцарей приняли решение немедленно присягнуть Господу и просили позволения создать в его армии легион госпитальеров.

– Я передам. Не думаю, что это вызовет возражения.

– Мне, как Великому Магистру ордена должна быть назначена пенсия в размере пятисот тысяч солидов в год.

Ха! Не ожидал встретить купца в этом аристократе.

– Триста.

Честно говоря, я решил поторговаться по собственной инициативе. Думаю, Эммануил не стал бы мелочиться. Все равно воевать дороже.

– Ордену должно быть возвращено графство Триполийское и владения во Франции, Германии и Польше.

– Насчет первого не обещаю, второе – почти наверняка.

– Хорошо. Мы со своей стороны предлагаем Господу титул Протектора Ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

– Думаю, он примет ваше предложение. Хотя Господь и так протектор вашего ордена. По определению. Пока вы служите Господу.

– И еще... – Великий Магистр колебался, вероятно, хотел попросить о чем-то малоосуществимом. – Здесь было найдено копье Лонгина. Мы бы хотели возвращения реликвии в Антиохию.

Копье было найдено в тысяча девяносто восьмом году, во время первого крестового похода. Участнику похода, провансальскому крестьянину Петру Бартоломею явился во сне апостол Андрей и рассказал, где зарыто святое копье, которым был убит Иисус. Крестьянин оказался человеком пробивным и дошел до самого графа Тулузского. Копье отырыли в соборе святого Петра, в точности там, где указал крестьянин. Крестоносцы начали побеждать. Тем не менее, в честности Петра Бартоломея усомнились, и святой Андрей, снова явившись ему во сне, посоветовал пройти через огненное испытание. Крестьянин напросился. Разложили костер длиной четырнадцать футов. Испытуемый взял копье, завернутое в тончайшую материю, и вошел в огонь. Когда он вышел, даже туника его не опалилась и ткань, в которой было Копье, осталась совершенно цела. Но тут на него набросилась толпа, пытаясь разорвать на части живую реликвию и заполучить мощи нового святого. Рыцари еле отбили его. Через три дня от полученных ран он скончался.

Копье было перевезено в Европу Людовиком Святым и с тех пор многократно переходило из рук в руки, пока не оказалось в Венском Хофбурге, где его и нашел Эммануил.

Я вспомнил капли на острие в памятный день ядерной бомбардировки и вдохновенное лицо Господа. Я вспомнил, как он завещал похоронить Копье вместе с ним, и как воскрес, как выходил из развалин мавзолея Августа с кровоточащим Копьем в руке.

Потом он всегда возил Копье с собой, в отдельном багаже, под лучшей охраной. Вернуть его в Антиохию? Безумие! Он никогда не выпустит его из рук.

– Я не могу решать за Него. Это слишком важно. Но, по-моему, лучше бы вам об этом не упоминать, – вероятно, в моем голосе появились жесткие нотки.

Магистр склонил голову.

Я усмехался, возвращаясь на Двараку. И это монахи-воины? Торговцы! На сколько хватило их благородных идей? На век? На два? Уже в четырнадцатом веке они поспособствовали падению ненавистных соперников – тамплиеров и постарались завладеть их имуществом.

Приятно чувствовать моральное превосходство над врагом.

Услышав о Копье, Эммануил только рассмеялся:

– Реликвия в Небесном Иерусалиме, где и должна быть. Единственное место, куда она может быть перенесена – земной Иерусалим.

Церемонию подготовили за два дня. Триста рыцарей в орденских одеяниях прошли по городу и поднялись на Двараку, чтобы передать Эммануилу святыни ордена: правую руку Иоанна Крестителя, Филермскую икону Божьей Матери и часть Животворящего Креста; а также Орденские Печать, Корону и «Кинжал верности».

Эммануил титул протектора и святыни принял, а от короны и печати отказался (не Богово!).

Некоторая холодность приема объяснялась и тем, что Господь уже знал о событиях в замке Крак де Шевалье. Менее, чем за час до церемонии мы узнали, что там собрались «ушедшие», рыцари-иоанниты, отказавшиеся принести присягу, и подняли знамя с изображением архистратига Михаила, предводителя ангельского воинства.

– Трупы, – сказал Марк. – Красиво, но трупы.

Дварака лениво поплыла к замку.

Мы долго не могли к нему приблизиться, словно пространство здесь было искривлено, и Дварака съезжала в сторону, словно мяч на батуте.

Наконец мы его увидели. Пологие горы, цвета охры. Мощные стены из огромных известняковых плит. «Пальмира среди замков». Суперкрепость! Все бургундские и пиренейские замки, виденные мною до того, выглядели кукольными домиками на его фоне.

Над замком развевался стяг с изображением Архистратига Михаила и орденское знамя, красное с белым крестом.

Рыцари во дворе замка. Построение, как на параде. Человек сто, не больше. Явно, меньшая часть ордена. Орденские одеяния: черные плащи с крестами поверх малиновых одежд.

Мне показалось, что они не собираются сражаться. Длинные традиционные одежды слишком неудобны для современной войны. Мы спустились ниже и услышали пение. Meserere! Терпеть не могу этот гимн. Рыцари направились к одной из башен (здоровому четырехугольному донжону) и начали утекать внутрь.

– Остановить? – спросил Марк.

Эммануил кусал губы. Впервые я видел его таким нервным.

– Подожди. Они отсюда никуда не денутся.

Последний рыцарь скрылся в башне. Наступила тишина.

Сколько она продлилась? Минуту? Две?

Мы в недоумении ждали.

Ярчайшая вспышка света осветила все вокруг. Белая, как сам белый цвет. Нет ничего белее. Я почти ослеп и почувствовал, как дрогнула Дварака у меня под ногами и рванулась вверх. Я упал. Облака летели к нам навстречу. И ни звука, словно я уже умер.

Нас отбросило на несколько километров, к городу Хомс. Дварака вновь удержалась в воздухе. Когда мы возвращались назад, мы не нашли Замка Рыцарей. Только пологие голые горы. Я был готов поклясться, что те же.

Мы вернулись в Антиохию, и Эммануил вызвал к себе Великого Магистра. Задал только один вопрос:

– Знал?

Антуан де Берти молчал.

– Повесить!

Повесили на решетке сада магистерского дворца. И не снимали тело трое суток.

Завоевание Константинополя трудно было назвать завоеванием. Бывший Царьград давно утратил былое величие. Ромейская республика – жалкий остаток огромной Византии с трудом удерживала власть над полунезависимыми провинциями: Грецией, Далмацией и Болгарией. Через неделю я гулял по Константинополю и любовался мозаиками Святой Софии. Возле храма был разбит розарий. Дул ветер с моря.

Пару раз за день я переезжал из Азии в Европу и из Европы в Азию, пересекая по мостам зеленое зеркало Босфора. А между старым и новым городом сверкал на солнце залив Золотой Рог.

Приближалась Пасха.

Глава 2

Пальмовые листья падали на дорогу и шуршали под ногами. По обе стороны от нас шумела толпа, а впереди высилась двойная арка Золотых ворот.

Закатное солнце слепило глаза. Был вечер одиннадцатого нисана⁶¹.

К Эммануилу подвели белого ослика.

– Нет. Этот город достоин того, чтобы войти в него пешком.

Он был в белой одежде без всяких украшений (думаю, что это называется хитон), за время наших исламских приключений отпустил небольшую бороду и был вызывающе иконописен.

Поднял руки, благословляя толпу.

Толпа пела:

– Бахур ху, гадол ху ивнех...⁶²

Опять «ху» в количестве. Еврейский похож на арабский, как русский на украинский. Думаю, они понимают друг друга без переводчика.

– Он избранный, Он великий. Скоро Он...

Мелодия напоминала танцевальную, и толпа пританцовывала, притопывала и хлопала в ладоши. Такое поведение как-то совсем не ассоциировалось у меня с богослужением.

Я не видел лица Спасителя – мы шли позади. Думаю, что он улыбался. И чего он избрал такой легковесный народ!

– Осанна! Осанна сыну Давидову!⁶³

Мы поднялись на Храмовую гору, к Куполу Скалы⁶⁴, пройдя под изящными арками, называемыми «весами». Здесь, по преданию, в день Страшного Суда ангелы будут взвешивать грехи человеческие.

Восьмигранная мечеть сияла золотым куполом поверх голубых изразцов стен: солнце на небесах.

На этот раз Эммануил не вошел внутрь. Остановился метрах в трех перед входом, повернулся к толпе, поднял руки:

– Ваше ожидание подошло к концу, ваши надежды сбылись. Больше не нужно молиться о приходе Машиаха⁶⁵ утром и вечером, сетовать на задержку и кричать ад мосай (доколе). Ваши страдания кончились, ваши грехи прощены – я с вами! Вы все – дети мои!

– Осанна! – прогремело в толпе.

Его лицо было вдохновенным, как во Франции во время ядерной бомбардировки, как в Риме после воскресения. Я вспомнил Копье Лонгина и стекающую с острия кровь.

– Здесь будет Новый Храм, Новый Иерусалимский Храм, я построю храм имени Господа, чтобы пришли к нему все народы и познали, что Господь есть Бог, и нет Бога кроме него. Я построю, не разрушая.

Он распростер руки к небу и благословил народ:

⁶¹ Нисан – первый месяц еврейского календаря (март-апрель).

⁶² Еврейский гимн, посвященный будущему мессии Израйла (Машиаху).

⁶³ Иврит «Спасение».

⁶⁴ Купол Скалы – мечеть, построенная в VII веке на месте Первого и Второго Храма.

⁶⁵ Ивр. «мессия».

– Благословен Господь, Который дал покой народу своему Израилю!⁶⁶ Да будет с нами Господь Бог наш, как был он с отцами нашими, да не оставит нас, да не покинет больше вовек и не отвратит лицо свое от Израиля! Период рассеяния кончился! Время изгнания прошло! Геула!⁶⁷ Освобождение!

Матвей подал ему чашу вина.

– И я пью эту чашу за Новый Храм. Чашу Мессии.

Я встал по правую руку. Напротив сияла на солнце Елеонская гора, юго-западный склон, покрытый камнями надгробий. Отсюда должно было начаться воскресение мертвых, чуть севернее у ее подножия шумели оливы Гефсиманского сада, а далеко на востоке у подножия желтых гор стояла Дварака, казавшаяся золотой в лучах заката – Небесный Иерусалим напротив земного.

Мы остановились в Президентском дворце. Слишком скромно для Господа, но в городе не нашлось более достойной резиденции. В дальнейшем предполагалось перестроить цитадель, где когда-то был дворец короля Иерусалимского.

Через четыре дня, пятнадцатого нисана, с восходом первой звезды в Гефсиманском саду должен был начаться пир, посвященный входу в Иерусалим. Точнее пасхальный седер.

Двухтысячелетние оливы сада напоминали чрезмерно разъевшихся старух. Толстенные узловатые стволы, похожие на оголенные сухожилия и круглые шапки серебристой листвы. Их трудно было назвать красивыми, скорее впечатляющими.

Дорожки между оливами покрыли алыми коврами и поставили столы.

Арье Рехтер, знакомый мне по предыдущему визиту в Иерусалим, консультировал меня по седеру, то бишь порядку празднования песаха.

– Маца, харосет, горькие травы, соленая вода, – перечислял он. – А красное вино? Каждый должен выпить по четыре кубка вина.

– Да, вино... – Эммануил тоже наблюдал за приготовлениями. – Поезжайте к Силоамскому источнику и привезите оттуда столько воды, сколько нужно вина.

Силоамский источник находился в «Городе Давида» – самой старой части Иерусалима. Мы с Арье спустились по каменной лестнице и прошли к купели. В подземной комнате с каменным сводом, напоминавшей камеру средневековой тюрьмы, вместо пола сияла вода, чистейшая и прозрачная.

– Ну и что? – недоверчиво спросил мой спутник.

Вода словно закипела, замутилась, у дна за клубилась красная тьма.

– Что это, кровь?

Я его понимал. Мне тоже так показалось. Я склонился к воде, зачерпнул в ладони, попробовал.

– Вода. Самая обыкновенная. Хорошая.

Наваждение прошло. Перед нами снова была вода источника.

– Ну и что? – повторил Арье.

– Увидим. Если Машиах говорит, что нужна вода отсюда – значит нужна. Думаю, цистерны хватит.

Я приспособливался к местной культуре. «Господь» здесь лучше не произносить, «Эммануил» – слишком фамильярно, а «Машиах» в самый раз. Мессия.

Наступили сумерки. Приглашенные представители израильской элиты заняли свои места за столами. Мария встала рядом с Эммануилом, накинула на голову полупрозрачное покрывало и зажгла две пасхальные свечи.

⁶⁶ Цитата из речи царя Соломона, произнесенной им по поводу освящения Первого Храма, см. «3 Царств, 8:56».

⁶⁷ Геула – освобождение, избавление, окончание рассеяния и возвращение всех евреев в Израиль. В более широком смысле: эра Машиаха.

– Иногда зажигают по свече на каждого ребенка в семье, – сказал Господь. – Вы все – дети мои!

Он взмахнул рукой, и по всему саду вспыхнули маленькие свечи: на столе, на оливах, в гирляндах над аллеями. Тысячи свечей!

Народ замер. По-моему, хотел заплодировать, но Господь предупредил это неуместное действие жестом руки.

– Во время пира, который состоится через полтора года, после воскресения мертвых, мы с вами должны пить вино пятитысячелетней выдержки «яйн мешумар», приготовленное в первые шесть дней творения. Я хочу угостить вас им немного раньше – сегодня.

По кубкам разливали воду из Силоамского источника.

– Это вода из источника в городе Давида, та, которую выливали на жертвенник во время праздника Сукот⁶⁸. Вода была сотворена в первый день творения. Но это вино по слову Господа. Лучшее вино, находившееся на хранении – «яйн мешумар»!

– «Яйн мешумар»? – недоверчиво шепнул Арье. – А манну небесную он нам не предложит?

– Подождем, – тихо сказал я. – В общем-то, я не удивлюсь.

Я вспоминал рассказ Матвея о превращении чая в глинтвейн. Господь всего лишь повторял старое чудо, но с гораздо большим размахом.

Арье Рехтер шептал у меня над ухом:

– В книге Исход есть четыре обещания, данных Богом Моисею: Он «выведет, избавит, спасет и примет к Себе» свой народ. Поэтому пьют четыре кубка.

Эммануил взял первый кубок. Вода в нем за клубилась багровой тьмой, как несколькими часами назад в Силоамской купели, но не вернулась в прежнее состояние, а стала равномерно красной. Я взглянул на свой бокал. С его содержимым творилось то же самое.

– Господь вывел вас из Египетского рабства и выведет к свободе и миру Нового Века. За Новый Век, Век Мессии!

Он поднял кубок, но не стал пить, помедлил, взял его двумя руками, опустил голову.

– Обычно в этот день вы вспоминали о «десяти казнях египетских», выливая по капле за каждую казнь в знак печали о страданиях египтян. Мой путь к вам, к сожалению, тоже не обошелся без крови. Эту первую каплю я выливаю за погибших во время Европейской войны и в Риме прошлой весной. Час нашей радости – не час злорадства.

Капля, красная, как кровь, странно медленно упала на скатерть.

Он выпил. Я тоже пригубил содержимое бокала. Вино. Больше всего похоже на хойриге⁶⁹, но очень хорошее. Просто классное! Я вспомнил чашу, которую выпил, пройдя через огонь в Китае.

Попробовал мацу. Пресный хлеб, похожий на уменьшенный в десятки раз кусок шифера. Хрустит, как чипсы. Довольно вкусно. Хлебец и хлебец.

Напротив меня сидел старик с бородой и пейсами ортодоксального иудея и взглядом бессмертного из-под кустистых бровей. Во взгляде светился ум и искра веселья.

– Это рабби Акиба, – с придыханием представил Арье.

Я посмотрел на него вопросительно, я не знал, кто это. Арье даже покраснел от моего вопиющего невежества.

– Знаменитейший мудрец эпохи танняев⁷⁰, один из основателей каббалы, учитель, пришедший к Бар Косибе двадцать четыре тысячи своих учеников.

⁶⁸ Суккот – праздник Кушей (палаток).

⁶⁹ Хойриге – молодое австрийское вино.

⁷⁰ Танняи – иудейские учителя I-II веков н.э.

Благодаря иезуитскому воспитанию «каббала» звучала для меня примерно также как «черная магия». Я содрогнулся.

Рабби Акиба заметил. От бессмертного трудно что-либо скрыть.

– Каббала – это просто техника медитации, молодой человек, благодаря которой ищущий может слиться с Эйн Соф, Бесконечным.

– Такой еврейский суфизм, – кивнул Арье.

Рабби Акиба поморщился:

– Да, они кое-что заимствовали. Так вот, энергия из Эйн Соф изливается в сефироты, первая из которых Кетер (венец) соответствует воле и смирению, черному и белому цвету и священному имени «Эхей»...

Все, я понял, что сейчас меня начнут грузить сефиротами. Редкая муть! Набрёдал в интеррете – хватило.

– А, кто такой Бар Косиба? – я решился на этот вопрос, рискуя показаться полным неучем, лишь бы сменить тему.

– Царь Козива. Он называл себя «Бар Кохба⁷¹» («Сын Звезды»). Точнее я его так назвал. Я принял его за Машиаха и сказал: «Восходит звезда от Иакова и восстанет жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых⁷²». Только, когда он потерпел поражение, стало ясно, что он не Машиах.

О Бар Кохбе я знал только то, что он очень не любил христиан, и что его убили римляне.

– Эммануил столь же более велик, чем царь Козива, сколь Мир огромнее Иерусалима, – сказал рабби Акиба. – Надеюсь, на этот раз я не ошибся.

Арье намазал на мацу некую коричневую массу и подал мне. Я посмотрел с подозрением.

– Харосет, – пояснил он. – Смесь фруктов, орехов, специй и вина.

Попробовал – кисло-сладкая гадость.

– Харосет символизирует глину, из которой евреи в египетском плену делали кирпичи, – пояснил Арье. – А его сладкий вкус – это вкус свободы.

Да, когда кулинарное искусство подменяют языком символов, хорошего вкуса ожидать не приходится.

Эммануил поднял второй кубок и пролил вторую каплю вина за погибших в Китае.

Потом подали барашка.

– Нет храма – нет жертвы, – сказал Эммануил. – Поэтому веками на ваших праздничных столах ягненка заменяло яйцо и баранья кость. Храма уже не было. Теперь все иначе. Храма еще нет. Но он будет. Это мое обещание, и я его выполняю.

Он поднял третий кубок. Упала капля за погибших в Японии.

Арье продолжал читать курс кулинарного символизма. Мы макали петрушку и салат (горечь рабства) в соленую воду (символ слез).

Эммануил поднял четвертый кубок, вылил каплю за погибших в Индии, чуть помедлил, поднял голову и улыбнулся:

– Я принимаю вас к себе!

Это было рискованное заявление, впрочем, к четвертому кубку народ уже не обращал внимания на такие мелочи, как претензии на боговоплощение.

Налили пятый кубок. Я вопросительно посмотрел на своего консультанта.

– Пятый кубок наливают, но не пьют, – пояснил Арье. – Его называют «Кубок Илии».

Эммануил улыбнулся:

⁷¹ Бар Кохба («Сын звезды») – вождь иудейского восстания против Рима, объявивший себя Машиахом в 135 г. Потерпев поражение, покончил самоубийством. Настоящее имя «Симон Бар Косиба». Древнееврейский корень «косеб» или «козев» означает «обман, обманывать, обманщик». Поэтому после поражения восстания имя его вождя частенько прочитывали как «сын лжи».

⁷² Числа, 24:17.

– Теперь пьют.

Я вспомнил о старике, который чуть не заставил толпу убить нас на площади у Стены Плача год назад, и которого арестовали с нашей подачи. Где он? В тюрьме его не оказалось. Выпустили. Скорее всего скрывается где-нибудь в пустыне.

Господь вылил пятую каплю за убиенных мусульман. Отпил из кубка:

– Я провозглашаю Век Мессии!

Век Мессии должен был объявить Илия, но он не удостоил нас своим присутствием.

Мы шли по ночному Иерусалиму. Евреи отступили от многовековой традиции празднования песаха в качестве семейного праздника и высыпали на улицу. Везде были музыка и танцы. Мы шли через танцующую толпу. Белые одежды арабских евреев, шорты и майки европейцев, строгие костюмы выходцев из Ирана. Евреи похожие на китайцев и индусов. Даже с кружочком краски на лбу. А ведь наверняка какой-нибудь Самуэльсон, хотя полное впечатление, что, скажем, Чандрагупта. Я здесь видел то еще чудо: кошерный китайский ресторан.

Толпа расступалась. Господь улыбался, благословляя народ. За ним шли апостолы. Мы были, как ангелы на людском пиру... или, как призраки.

Утром на городских рынках и даже в части магазинов появилось разливное красное вино под названием «Силоамское». На прилавках, цистернах и бочонках красовались наклейки «кошерное⁷³». Я усмехался.

Дело было в следующем. Слух о вчерашнем господнем чуде быстро распространился по городу (чему немало способствовало радио и телевизор), и к Силоамскому источнику выстроилась очередь. И не зря. Вода, взятая из купели, неизменно превращалась в вино. Торговцы воспользовались ажиотажем и быстро смекнули свою выгоду. Правда, большей частью их «Силоамское» было дешевым арабским вином, перелитым из бутылок, то есть примерно такой же степени кошерности, как свинина.

В эту ночь произошло еще одно событие, куда менее забавное. На стенах Купола Скалы появились глубокие трещины. Я подумал, что это неспроста и вспомнил разрушение Лубянки. Эммануилу было крайне не выгодно наличие мечети на храмовой горе. Его храм должен был стать только его храмом.

Купол Скалы пообещали отремонтировать, но было не до того. Начался счет дней до праздника Шавуот, дня дарования Торы, христианской Пятидесятницы.

Эммануил поторопился пихнуть в газеты свою родословную, доказывающую его происхождение от Давида, ибо в народе тихонько шептали, что он возможно вообще не еврей. Родословная Эммануила частично совпадала с изложенной в Евангелии от Матфея, только после Иосифа следовал некий Иаков, а после него здоровый кусок от начала христианской эры до наших дней. Интересно, что Али там тоже был, по линии отца, через один из браков. А еще, у основания родословного древа, тоже по отцовской линии затесался Хирам – царь Тирский, тот, что поставлял кедры для храма Соломона и Хирам – тирский медник, что участвовал в отделке храма. Оба! Родословная занимала газетный разворот мелким шрифтом.

В легендах о храме Хирам – скорее архитектор, а не ремесленник, художник, творец и частенько богоборец. Тот самый – человек огня!

Я подумал, не переборщил ли Господь со своими предками. Здесь у них здоровенные базы данных по этому поводу – проверить же можно. Но евреи молчали. Вероятно, никаким известным данным родословная не противоречила.

⁷³ Кошерное – «правильное», «подходящее». Вино считается кошерным, если в его изготовлении принимали участие исключительно евреи.

Глава 3

Господь не задержался в Иерусалиме и недели. Дварака поднялась в небо и поплыла на запад: Эммануил прихватил с собой войско джиннов и китайских сяней. Чтобы не смущать ортодоксов, Господь старался не демонстрировать бессмертных воинов в Иерусалиме. Они так и оставались на летающем острове. Он взял с собой жен, а из апостолов Филиппа и Иоанна – и ринулся на помощь своему двоюродному брату Якову покорять Черный Континент. А на меня оставил Иерусалим. Не впервой! В конце концов был Рим, была Япония. Я вспоминал себя пару лет назад: мечтатель на кушетке у компьютера. Эммануил сделал меня сильным, и я был ему благодарен.

В качестве серого кардинала при мне остался Матвей, а военного специалиста – Марк. Первое было все же лучше, чем Иоанн, второе просто радовало. В качестве советника по местной культуре я сколлекционировал рабби Акибу. Ничего против он не имел. Рабби привел к Эммануилу шестьдесят пять тысяч своих учеников.

Более светским консультантом стал Арье Рехтер.

Господь обещал вернуться к Пятидесятнице, то есть надеялся управиться дней за сорок пять.

Не прошло и двух суток после его отбытия, как в Иерусалиме произошло землетрясение. Балла четыре-пять. Я даже не обеспокоился: в Японии и Афганистане было гораздо хуже. Но Купол Скалы был разрушен до основания.

Опасались терактов. Но в конце концов шахиды тоже не сумасшедшие: какой спрос с землетрясения? Эммануила можно было упрекнуть только в несвоевременном ремонте, но не упрекнули – все было тихо.

Еще через неделю мы решились заложить первый камень Храма Нового Века. Храм должен был занять всю храмовую площадь, а вместе с двором – всю храмовую гору. Стена Плача снова становилась стеной Храма (точнее ограды храмового двора), а мечеть Аль-Акса – тихо и незаметно оказывалась внутри комплекса. Эммануила это вполне устраивало – отдельный загончик для мусульман, главное, что не в центре. Сохранившийся Купол Вознесения, построенный на том месте, где Мухаммед на небесном скакуне вознесся на небеса, и западная аркада должны были оказаться внутри Храма, под Хрустальным Сводом. На эскизе он напоминал гигантский кристалл, алмазную пирамиду, увенчанную золотым шпилем, гораздо выше любого из существующих на земле храмов. Проект мне нравился.

Середина апреля или конец нисана. Яркое весеннее утро, еще не жарко. Ветер, еще не раскаленный. Я помню каждую деталь. Мы поднимались на храмовую площадь с западной стороны. Шли по лестнице к аркаде. Слева возвышался Купол Вознесения. Справа – еще какие-то мусульманские постройки. Впереди – ровная площадка там, где был Купол Скалы. Пепел (точнее пыль) очередного храма.

Я шел первым. Чуть позади по правую руку Марк, по левую – Матвей. Потом рабби Акиба, Арье и представитель Верховного равината, наконец охрана и строители. Марк ворчал: надо было пропустить охрану вперед. Но я пожертвовал безопасностью для пущей эффективности.

– Хоть бы бронежилет надел, – сказал Марк.

– А ты?

– Я здесь не главный.

– Бронежилет заметен, – я обернулся к Марку. – Это ис...

Хотел сказать «испортит впечатление», но не успел.

Была боль и летящие на меня ступени лестницы. Я не слышал выстрела, только где-то на периферии сознания запоздалый крик Марка «Ложись!»

Я очнулся в постели. Точнее наполовину очнулся. Помню только боль в груди и смутно врача. Мне сделали укол обезболивающего, и я снова погрузился в небытие.

...Марк стоял у окна и делал себе инъекцию в вену. Точнее силуэт Марка. Я не видел подробностей, я их знал.

– Как ты можешь? А Господь знает?

– Господь оставил нас, – сказал Марк. – А это всего лишь морфий. Один укол – и боль проходит. Попробуй!

Я сидел на кровати. Марк опустился рядом.

Я почувствовал укол и проснулся.

Марк сидел рядом на стуле. На плечи ему был накинут белый халат. Я еле удержался от того, чтобы спросить не начал ли он снова колотиться. Сон был слишком реален.

Надо мною склонился врач. Я посмотрел на свою руку, из вены торчал катетер.

– С возвращением, – сказал врач.

Меня передернуло. Фраза напомнила мне о Эммануиловых воскрешениях.

– Господь вернулся? – спросил я Марка.

– Нет, в Африке. Это не то, что ты подумал. Пуля прошла в сантиметре от сердца. Тебя еле вытащили.

Да, я наконец сообразил, что после воскрешения катетер ни к чему.

– И как вы?

Марк посмотрел на врача. Тот понял и вышел из палаты.

– Мы ничего, справляемся. Разделили с Матвеем твои обязанности. Мне – силовики, Матвею – экономика. Храм заложили.

– Когда?

– Как только тебя увезла скорая. Уж извини, прошлись по твоей крови. Так оно прочнее.

– Я не в обиде. Сколько я провалялся?

– Пять дней.

– Кто?

– Хрен его знает! На всякий случай я арестовал всех. Господь вернется – разберется.

Я поднял брови.

– Как это всех?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.